

ЮРИЙ КЛИМОНОВ

СУДЬБА НА ИЗЛОМ : МАЯТНИК

Юрий Климонов

Судьба на излом: Маятник

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=29180416

ISBN 9785449033178

Аннотация

Возомнившее себя вершителем судьбы нашей планеты, руководство Бильдерберского клуба приказывает расконсервировать экспериментальную пространственно-временную установку и начинает сближаться с Аненербе. В результате эксперимента возникает маятниковый эффект, и в 1941 год попадает специалист одного из отделов ГРУ РФ. Пройдя путь от обычного человека до приближённого к верхушке СССР, он помогает провести полную модернизацию экономики и способствует образованию нового континентального государства.

Содержание

От автора	5
Пролог	6
Глава 1	8
Глава 2	29
Глава 3	45
Глава 4	62
Глава 5	79
Глава 6	102
Конец ознакомительного фрагмента.	107

Судьба на излом: Маятник

Юрий Климонов

© Юрий Климонов, 2018

ISBN 978-5-4490-3317-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

От автора

Сразу хочу сказать, что сюжет этой книги идёт в разрез с нынешними настроениями в обществе. Если вас это смущает, не читайте, не тратьте понапрасну время и не насилюйте свой мозг. В процессе написания этого произведения меня интересовало поведение человека, свободного от религиозного мракобесия, прогнившего либерализма и псевдодемократии, которыми наше общество сейчас почти поголовно заражено. Есть ли такие люди ещё или автор «последний из могикан»? И если таковые ещё остались, то какие качества необходимы им в построении высокотехнологичного общества без озвученных выше предрассудков? Как это всё получилось, судить вам.

Все совпадения с реально существующими людьми или событиями случайны, роман с начала и до конца является плодом авторской фантазии.

Глубоко неуважаемым мной господам либералам, фанатиками различных религиозных конфессий и прозападно настроенным демократам читать эту книгу не рекомендуется во избежание излияния желчи и приступов дикой злобы, а, возможно, и каких-то других душевных потрясений.

Тем, кто всё-таки решил ознакомиться с этим произведением – приятного чтения.

Пролог

Прежде, чем вы это прочтёте... впрочем, раз вы читаете, допуск у вас уже должен быть.

Начну, пожалуй, с того, что при специфике моей работы, я часто сталкивалась с необъяснимым. С точки зрения обычного обывателя на нашей планете есть много чего непознанного или открытого, но не поддающегося научному объяснению. Количество найденных, но не укладывающихся в единую теорию эволюции предметов огромно. Ими с успехом можно оборудовать целый музей в каком-нибудь крупном мегаполисе. Множественные научные теории их возникновения претерпевали различные метаморфозы, изменяясь из вполне обоснованные наукой, до комических и абсолютно неправдоподобных. По прошествии определённого промежутка времени я сама столкнулась лицом к лицу с одной из таких теорий. Это, так называемое **попаданчество**. Честно говоря, я и сама не верила в него, считая это явление выдумкой. Конечно же моё направление работы позволяло мне соприкоснуться с некими явлениями и разработками учёных, стремящихся либо изучать что-то похожее или случайно открывающих это направление, как побочный эффект. В этих случаях этим занимались мои коллеги, работающие по данной «теме», но на поверку оказывалось, что слухи сильно преувеличены.

Иногда мне подсовывали сочинительства о попаданцах, но я всегда угорала над «роялями в кустах». Рояль в кустах, хм... вот ведь как интересно называют необычные способности или знания человека в другом мире или времени. Поначалу я искренне сочувствовала героям, потом жалела писак, занимавшихся таким «бумагомаранием», а затем... впрочем, давайте не будем торопиться и обо всём по порядку.

Для начала представляюсь – Рогова Анастасия Олеговна. Моё звание и должность... хотя это сейчас не главное. Важно то, что я поняла почему в **попаданцы** писатели стремятся записать людей, имеющих определённую спецподготовку. И поняла это по своему опыту. Если попытаться кратко объяснить эти «рояли», выходит, что простым людям ТАМ попросту нечего делать. Если ты не обладаешь фундаментальными знаниями в каком-то разделе науки и техники, специальной подготовкой, любыми неординарными способностями – ты заранее обрекаешь себя на тихую незаметную жизнь, либо попадаешь в стены психиатрической лечебницы или в застенки власть предержащих. Может и были такие прецеденты, но в истории их не заметили, да и сообщений о них не поступало. Уж кому как не мне знать об этом.

Но со мной такое случилось. Неважно когда это началось, важно, что произошло после того.....

Глава 1

Москва. 24 апреля 20.. года. 13-е Управление ГРУ (спецотдел по паранормальным объектам). Точное место засекречено.

– «Лилит» ответь «Зевсу» на пятом канале! – грубый и резкий голос моего шефа из рации внезапно оторвал меня от перекуса в машине. Переключаюсь на закрытый канал.

– Здравствуйте, Алексей Палыч, – с трудом проглатываю оставшуюся часть жуящегося бутерброда и стараюсь придать своему голосу естественный тембр. – Что такого срочного случилось, если вы меня выдернули на «пятёрку»?

– Здравствуй, Настя, – хоть сейчас чуть смягчился. – Мы оба с тобой в курсе, что 13-е управление занимается экстраординарными индивидуумами, но чтобы наши ведущие сотрудники сами становились таковыми...

– Это вы о чём, дядя Лёша? Я ничего не понимаю.

– Полковник Рогова! Давай дуй на «Хорошевку», я буду тебя там ждать. Брось все дела и быстрее туда. Код ситуации «красный».

– Вас поняла, еду, – дожёвываю впопыхах бутер, допиваю остатки кофе и в путь. Хоть будет время для анализа.

13-е Управление ГРУ, в котором я служу, создано несколько лет назад на базе трёх силовых структур – самого ГРУ и с полноправным участием ФСБ и СВР. Его необходи-

мость была продиктована участвовавшими случаями обнаружения в мире не совсем понятных науке объектов или индивидуумов и сопряжённых с этим проблем. Несмотря на полную секретность среди рядовых граждан и СМИ, мы прекрасно сотрудничаем по данной тематике с американцами и немцами, иногда в смежниках проскакивают французы, японцы и китайцы.

Полковника Рогову, под оперативным псевдонимом «Лилит», знают, уважают и моё мнение как бы не последнее при планировании оперативных мероприятий. Не удивительно, что таинственно грубый тон моего непосредственного начальника мне откровенно не понравился. Да и моё звание, послужной список, вкуче с допуском к документам с пометкой «ОГВ»,¹ как бы не подразумевает такой тон...

Хм, значит, произошло что-то, что не укладывается в обычную модель служебных взаимоотношений. Генерал даже занервничал. Ладно, гадать на кофейной гуще будут другие, а я просто проследую до шефа, там и разберёмся.

Генерала Липатова я знаю практически с моего раннего детства. Вообще, наши семьи знакомы уже добрых восьмидесяти лет. Да-да, я не ошиблась. Ещё наши деды служили вместе в госбезопасности СССР на серьёзных должностях. Алексей Павлович, он же в кругу семьи «дядя Лёша» – друг моего отца. Он поначалу жалел, что у моего папы – Рогова Олега Андреевича, нет сына, но после того как я поступила

¹ Особо Государственной Важности

в Академию, своё мнение изменил в корне.

Так, пока стоим в пробке, ноутбук и остальное барахло убираю в личный сейф внутри бардачка. Доехала до места достаточно быстро, две пробки пришлось простоять, но это уровень МКАДа. Мой серебристый «Логан-2» припарковался неподалёку от старой резиденции ГРУ, и я не спеша зашла в подъезд одного из близстоящих домов. Второй этаж, левая квартира. Наша, конспиративная. Дзинькаю звонком и жду. Железная дверь открывается и вижу Липатова.

– Заходи! – опять этот резкий тон.

– Дядь Лёша! Вы чего такой злой?

– М-да, Настя... не ожидал я от тебя...

– Эм... конкретно чего вы не ожидали? Может, не будем говорить загадками?

– Оказывается, ты у нас тоже с паранормальными способностями.

– Не поняла.

– Что тебе известно о проекте «Маятник»?

– Я о нём слышала, кое-кого консультировала по смежным техническим вопросам, но не более того.

– Когда это было?

– Примерно неделю назад, а что?

– И этот кто-то из американцев?

– Совершенно верно, Джойлин Макдауэл.

– Да, всё совпадает.

– Что совпадает?

– О чём был разговор?

– Она просила информацию о секте «Пришествие Создателя». Вы сами санкционировали выдачу материалов. Ко мне какие вопросы?

– И всё?

– Всё.

– Тогда как ты объяснишь вот это, – Липатов подхватил меня за локоть и препроводил в одну из комнат. Пара стульев рядом со старым овальным столиком посередине комнаты, на застиранной скатерти которого лежат несколько вещей. Одну из них я сразу узнала – мой ноутбук. Таких у нас в конторе больше ни у кого нет. Спецзаказ, противоударный кожух, водонепроницаем до ста метров, плюс ещё кое-какие навороты. На нём лежат какое-то удостоверение, мой смартфон и «Глок».² Удивляюсь только, что все предметы в каком-то ужасном запустении, как будто их долго хранили в не совсем герметичном сейфе.

– Ты узнаешь эти вещи? Нет, пока не подходи к ним, – держит за рукав пиджака и не пропускает вперёд.

– А, ну да. Сверху чешуя, а внутри... короче сами договорите. Видала я такие приколы. Сверху похоже на моё, а внутри – кукла.

– Нет, Настя. Это не только сверху, но и снизу, сбоку и,

² Имеется в виду Глок-17 (Glock 17) – австрийский пистолет, разработанный фирмой Glock для нужд австрийской армии. Модель настолько удачная, что используется по всему миру, причём не только гражданскими лицами, но и стоит на вооружении спецслужб. Может стрелять даже под водой.

главное, внутри. Все эти вещи твои. Только есть тут два нюанса.

– И какие, дядя Лёша?

– А такие, Рогова, что внутри ноута есть две папки с файлами, которые я тебе должен был дать сегодня. Понимаешь? Их у тебя ещё нет, а вот здесь, – он показал на лэптоп – они уже присутствуют. И сведения в одной из них получены мной только сегодня утром. Я никак не мог передать их тебе раньше. А вторая папка наталкивает на мысль... – Липатов умолк, недоверчиво и пристально рассматривая меня.

– Ну, договаривайте, товарищ генерал, не сахарная – не растаю.

– Скажи честно, тебе Макдауэл ничего не дарила? Никаких там сувенирчиков, брошек, перстеньков и прочих бабских штучек?

– Чё я дура что ли?! Дядя Лёша! Ты же знаешь инструкцию на этот счёт!

– Знаю, полковник, прекрасно знаю, потому и спрашиваю на всякий случай. Тогда скажи ещё вот что: вы с ней ничего не пили? Или ты оставила тару на несколько секунд без присмотра, а потом приложились? Вспоминай, Настя!

– Однозначно НЕТ! Мы сидели в кабинете, она положила бланк с твоей резолюцией на нём и я скинула ей файл на смарт через спецкоммуникатор. Всё. Ещё вопросы?

– Настя! Вспоминай всё мало-мальски необычное в вашем разговоре или её поведении! Это очень важно!

– Твою дивизию! Мы вместе были в кабинете всего пять минут, ничего не пили, не ели, не дарили. НИКТО НИКОМУ! Даже руками не касались одних и тех же предметов! Только вначале обменялись рукопожатием! Да что случилось?!

– Есть одна проблема...

– Дядя Лёша! Я вообще-то не маленькая девочка! Не тяни кота за его достоинство, а!

– Весь вопрос в том, полковник Рогова, что эти вещи были недавно найдены в старом особняке. Раньше там находилось конспиративное хранилище ГУГБ СССР.³ И начало хранения этих вещей относится к 1987 году. То есть тогда их или доставали из сейфа для работы и снова положили обратно, либо сдали туда на хранение. Тебе это о чём-нибудь говорит?

– Чем дальше в лес, тем толще партизаны... а хрен его знает, дядя Лёша. Давай лучше копнём с другой стороны.

– Не понял.

– А мои вещи где? Те, которыми я сейчас пользуюсь, так называемые братья или сёстры-близнецы этих.

– В Караганде! Знаешь, где это? Откуда я могу знать, где сейчас твои вещи? Или я твой адъютант?

– Надо же, а в Караганде-то я как раз и не была. Ни разу. Вот так вот. Ага. Давай я спущусь в машину и достану из сейфа в бардачке свои причиндалы, а дальше глянем, что от чего и с чем это едят.

³ Главное Управление Государственной Безопасности СССР

– Угу, лапшу только не нужно вешать мне. Свалить решила?!

– Дядя Лёша! Товарищ генерал! Как назвать то, что я только что услышала?! Или ты меня не знаешь?!

– Выходит, Настя, плохо я тебя знаю.

– На, вот мой «Глок», вот мобила, ксива... на! Всё забирай к едрене фене! – я выбрасываю из карманов и портупеи всё содержимое на стол и останавливаюсь с открытым ртом. Липатов удивлённо смотрит на мой пистолет и берёт его из рук. Другой рукой он поднимает «Глок», лежащий на столе и аккуратно сличает их номера. В какой-то момент времени они соприкасаются и «црыкр-кр!» – получается нехилый разряд.

– Охренеть! – одним словом генерал комментирует создавшуюся ситуацию. – Просто песец какой-то!

– Отчего тебе пригрезился белый пушной зверёк? – ёрничаю я.

– Настя... у них номера одинаковые. Так, а теперь продиктуй мне номер своего удостоверения.

Диктую. Глаза дяди Лёши снова становятся, как у дикого козла Кузи из известной детской сказки.

– Я ничего не понимаю. Вот хоть тресни. Они тоже одинаковые.

– Может, ещё мобилу проверишь? – с издёвкой спрашиваю у него.

– Да иди ты...

– Ну, тогда я пошла...

– Погоди.

– То иди, то подожди, короче – кругом, бегом, об стенку лбом, шагом-марш, отставить? – ухмыляюсь я.

– Ржёшь? А мне не до смеха. Когда мне это принесли, я уж всё передумал. Чуть отлегло, когда мобила ответила твоим голосом, а теперь опять непонятки.

– И что теперь делать будем?

– Это мне у тебя спросить нужно.

– А я причём? Где-то кто-то нашёл чего-то. Дядь Лёша! А ты не забыл, сколько «параноиков» мы сами ликвидировали? Сколько раз нас с тобой обещали известить, а? В наш век тебе не только такие «улики» состряпают, а двойников накашляют до этой матери!

– Весь вопрос в том, что Макдауэл сначала пропала из своей конторы, а потом... – Липатов задумался.

– Ну? Суп с котом, что ли, произошёл? Что ты так на меня смотришь? Никто из наших не спешит делиться информацией по этому проекту, так откуда мне знать, что там происходит?

– На то есть свои причины, – Липатов выжидающее посмотрел на меня. – Это направление возникло как побочный эффект при испытаниях БАКа.⁴ Петлевая квантовая грави-

⁴ БАК – Большой адронный коллайдер – ускоритель заряженных частиц на встречных пучках, предназначенный для разгона протонов и тяжёлых ионов (ионов свинца) и изучения продуктов их соударений. Коллайдер построен в ЦЕР-Не (Европейский совет ядерных исследований), находящемся около Женевы, на границе Швейцарии и Франции.

тация, если не ошибаюсь. Для его возникновения не нужно столь большого количества энергии, какой используется в БАКе. Американцы заинтересовались этим побочным эффектом, даже нашлись спонсоры для повторной реализации. Так возник проект «Маятник». Но специалисты заговорили о некоем побочном эффекте, теперь уже самого «Маятника», который возникает каждый раз после «прохода» или «прокола» пространственно-временного континуума – образование зеркального перехода в другой точке пространства с задержкой по времени на несколько суток. Потому проект и назвали так. Его спешно готовили к первому официальному запуску, когда ЦЕРНовцы узнали о побочных последствиях и обратились в Общий Координационный Совет наших служб, который и наложил на него вето. Но кому-то очень сильно неймётся и американцы втихую разморозили проект.

– Так вроде установку они были обязаны уничтожить? Или я чего-то ещё не знаю?

– Настя достаточно того, что ты хорошо знаешь этих янки...

– Хм... я знаю только то, что ангар с оборудованием был опечатан самим координатором. Там планировалось поэтапное уничтожение оборудования с подробной описью.

– Угу, ангар был тайно вскрыт и некая группа, изъяв всё оборудование, в частном порядке начала проворачивать свои делишки.

– Вот поэтому я с этими янки на одном поле... ну, ты по-

нял. Никогда с ними нельзя быть уверенным на все «сто». А дальше что было?

– В Арканзасе, на одном из старых военных полигонов, произошёл взрыв с сильной вспышкой. Крышу помещения разворотило так, будто там бомбу в полтонны тротилового эквивалента жажнули. Информация просочилась в прессу. Начали носом рыть все кому не лень. Нашли недавно расконсервированную и частично модернизированную какую-то замысловатую установку. Эксперты классифицировали её как проект «Маятник». Там же, неподалёку от установки, нашли Макдауэл, причём сильно обгоревшей. Опознали только по зубным коронкам.

Короче, был пространственно-временной переход. Хотя бы один, но был, а вот куда... данные с компьютерного оборудования считать не удалось – там всё в труху превратилось, даже мусорные корзины. И когда аналитики просчитали возможный список контактёров с этой Макдауэлл, то... в общем, ты была в списке под номером семь. Понимаешь? Седьмая с кем она контактировала, считая дату перехода.

– А причём тут я?

– А притом, что эманация от объекта перехода может «затянуть» любой соизмеримый с ним предмет, человека или животное из первого десятка вещей или существ, кто имел с ним физический контакт. Потом вот эти вещи обнаружались в совершенно неожиданном месте... я уже доложил руководству, что ты здесь и едешь на конспиративную кварти-

ру. После нашего с тобой разговора, я ещё должен отчёт написать.

– Так и напиши, что все вещи при мне, можешь даже добавить, что копии совпадают.

– Но начальство потребовало тебя отстранить от работы. На время разбирательства по этому инциденту.

– Фу-у-ух! Как мне это всё надоело. Вот плюну на всё и уеду в отпуск на месяц! В деревню, к бабе Маше!

– А знаешь, Настя... хм, а и в правду поезжай! Все перипетии тебе сейчас только во вред будут. Я такого от начальства наслушался... нет, лучше тебе не знать! Считай, что у тебя отпуск на месяц, а оформим потом.

– «Спецуру»⁵ сдавать?

– Нет. И вот что... папки я тебе тоже сброшу. На всякий случай и через безопасный канал. Посмотри на досуге, поразмысли над этим. Должна же быть какая-то связь между ними и нахождением твоих вещей в старом Госхране КГБ.

* * *

16 июня 1941 года. Берлин. Приёмная рейхсфюрера СС Генриха Гимлера.

Штандартенфюрер СС Вальтер Вюст уже час находился в кабинете своего шефа – рейхсфюрера СС Генриха Гимле-

⁵ Специальное оборудование

ра.

Последняя поступившая информация выбила из колеи не только невозмутимого Вальтера, но и его патрона.

– Несколько дней назад, в районе Дрездена, была замечена странная фройляйн.⁶ Полиция её задержала, и после сбивчивого объяснения на плохом немецком со стороны задержанной, препроводила её в гестапо. То, в свою очередь, направила объект в «Аненербе». По словам задержанной, её звали Джойлин Макдауэл, она была родом из Америки и прибыла к нам из 20.. года. Некоторые обрывочные данные о техническом потенциале XXI века всё-таки удалось получить в первой же беседе. Из краткого повествования задержанной выходило, что некая группа американцев готова сотрудничать с Рейхом, но кроме них могут быть и другие. После каждого прохода в пространственно-временном туннеле, может произойти маятниковый эффект с одновременным открытием антипода этого Портала в другой точке земного шара, а вот где это произойдёт – никто не знает.

Далее задержанная повела себя агрессивно, передав ультиматум от американцев: все технологии только после подписания некоего договора с САСШ⁷ или как говорили в её мире – США. Во время нашей ознакомительной поездки к месту Портала, чувствуя, что её план провалился, она попыталась сбежать. Ей удалось выхватить оружие одного

⁶ Девушка (нем.)

⁷ Северо-Американские Соединённые Штаты.

из конвоиров, ликвидировать ещё одного нашего сотрудника и скрыться в появившемся окне из какой-то энергии. При попытке материализоваться в своём мире, ей вдогонку была брошена противопехотная граната. На том инцидент был исчерпан. Все отчёты по мероприятиям и информация от объекта были соединены в одно дело под кодовым названием «Дальний рубеж».

– Хорошо, Вальтер. Держите меня в курсе всего, что будет появляться по этому делу и усильте внимание агентов на вражеских территориях. Пусть докладывают обо всём, что покажется им странным: поведение некоторых людей, необычные предметы или природные явления.

– Я склонен полагать, что это не последний контакт, господин рейхсфюрер.

– Почему вы так считаете?

– Думаю, что там, в будущем, неким силам выгодно заключить союз с нами. Это была «первая ласточка», но будут и другие. Интуиция меня ещё никогда не подводила.

– Тогда Великий Рейх станет ещё могущественнее. Будем надеяться, Вальтер, что ваша интуиция сослужит нам хорошую службу и в этот раз.

* * *

**25 апреля 20.. года. Центральная полоса России.
Междугородний автобус**

Надоели мне самолёты, да и поезда тоже. Аж в печёнках сидят все эти мегаполисы – Рим, Париж, Ганновер, Бангкок, всех не перечесть. Сплошные командировки, которым конца и края нет. Как же замечательно, что я поехала я к бабушке, на дачу. Эх, хорошо, конец апреля! Уже солнышко не слабо так пригревает, скоро майские праздники. Сижу, вот, в автобусе, балдею в наушниках от музыки из смартфона.

Чего дядя Лёша взъелся? Сколько таких провокаций уже было за время моей службы в 13-м Управлении? И на меня, и на него... да и в конторе всех оперативников давно инструктируют на предмет появления оных. А выходит – воз и ныне там. Переживает Липатов, ишь, как его задело.

Чёрт! Вот зачем я юбку надела, а? Ведь привыкла же к брючным костюмам, так нет! А всё от того, что бабушка не желает видеть меня «под мальчика»! Ох-хо-хо... ладно, потерплю как-нибудь, зато на даче в камуфляж переоденусь. Ну, под предлогом парко-хозяйственной деятельности. Не знаю почему, но бабуля и дед, еще когда он жив был, очень сильно меня опекали. Родители и то так не присматривали, да и Настей меня назвали дед с бабулей, без всяких возражений со стороны родителей. И ведь рот на замок – поди, допытайся почему. Хренушки! Можно подумать, что и бабуля тоже в органах всю жизнь проработала. М-да, семья у нас какая-то чересчур «гэбэшная». Начиная со времён работы в органах прадеда и заканчивая моими родите-

лями. Мамуля вон тоже – в «аналитике» всю жизнь проработала. В КГБ с папой и познакомились. Как там: «внутриведомственные браки укрепляют «контору». Вот потому я в свои тридцать и не горю желанием надевать семейное ярмо. Плохо это или нет, но отсутствие замужества положительно сказалось на моей карьере: дослужилась до полковника, а мама вон только майор. Конечно, несколько важных операций сыграли не последнюю роль в моём продвижении по служебной лестнице, но помогали набираться опыта и консультировали на первых порах меня родственники.

А начиналось всё с шестнадцатилетней девушки, немного тренированной во всех аспектах: как физических, так и умственных. Бабуля всё ёрничает, что папа перестарался – девка получилась. Надо было пацану родиться, а я – биологическая ошибка природы.

Ой, что-то всё надоело. Даже в отпуске всё о службе. До места назначения еще около трёх часов, надо вздремнуть.

Выключаю «смарт» и удобно размещаюсь на сидении. Всё, баиньки...

* * *

25 апреля 20.. года. Центральная полоса России. Междугородний автобус. Двумя часами позже.

«Бух! Шлёп! Хр-р-р!» – внезапный толчок и металличе-

ский скрежет заставил меня сразу проснуться и оглядеться. В автобусе царила паника: самые рьяные из пассажиров метались по нему, эмоционально жестикулируя и крича, что всё пропало. Этому способствовало его накренившееся почти под сорок пять градусов положение. В моё окно было видно, как тяжёлый гружёный рефрижератор, столкнувшись с нашим автобусом, пододвинул последний на край моста через овраг. Передние колеса прошли металлический парапет и теперь повисли в пространстве. Перемещение пассажиров заставляло покачиваться автобус, словно пассажирский лайнер на море. Ещё чуть-чуть и будет белый пушной зверёк.

– А ну застыли все! – рявкнула я во всю глотку.

– Да пошла, ты! – ответил мне пробегающий мужик. – Я тут подышать не собираюсь! Двери заклинило, а шофёр не чешется! Ему, видите ли, стёкла жалко! Всё заднюю дверь пытается открыть, урод!

– Чудило! Если ты не прекратишь двигаться вместе с остальными, то автобус точно свалится вниз! – но уже всё. Несколько человек сгрудились у места водителя и автобус, словив резонанс при очередном крене, начал медленно сползать вниз. Сжимаюсь в клубок и готовлюсь к удару.

– Бах! Бумс! – и наступила темнота.

* * *

– Аккуратнее, товарищи, аккуратнее! Не толкаемся, сей-

час по одному выходим из автобуса и не расходимся никуда. Если кому-то плохо – садимся рядом с ним, на траве! – чья-то речь включила моё сознание. Я встряхнула головой и почувствовала, как в моей небольшой косичке появилось что-то инородное, кольнувшее меня в шею. Аккуратно ощупываю свои волосы. Ну да, пара осколков стекла.

– Гражданочка! А вам особое приглашение требуется? – на меня смотрит молодой человек в старой, ещё довоенной форме НКВД. Навскидку ему лет двадцать три-двадцать пять, белобрысый, фуражка на затылке.

Охренеть! Мы присутствуем на съёмках какого-то фильма или это розыгрыш такой? А как же наша авария? Что вообще происходит?!

– Извините. Я ещё не совсем отошла от... – резко прерываю диалог. Ещё неизвестно, что здесь произошло и куда я попала, поэтому не будем вдаваться в подробности.

– Ваши вещи? – его рука показывает на мою сумку-баул.

– Да.

– Сумка какого-то незнакомого вида.

Ну да, баул из крепкого брезента. Такие нам в Управлении выдавали для командировок. Их в наше время пруд-пруди, любого цвета, но по взгляду этого парня заметно, что он встречает её в первый раз, уж больно любопытно рассматривает. Неужели я попала в другое время? Подожди, а если со мной произошло то, о чём я думаю... хм, ведь тогда... стоп, Настя! Спокойно! Возьми себя в руки!

– Это сумка моего жениха. Он военный, и зная, что мне нужно съездить к бабушке, дал её на время.

А причём тут жених, Настя? Ты что буробишь? Где твоя выдержка? Наобум выкрутиться решила? Вот насколько ловко выкрутилась сейчас и посмотрим.

Но глазками милиционер бегать не перестал.

– Жених? А в каком роду войск он служит?

– Ой, да я в этом плохо разбираюсь, товарищ милиционер!

Он командир.

– Наверное, летчик?

– А как вы догадались?

– Что, угадал?

– Почти.

– Это профессиональный взгляд на вещи, – с напускной важностью сказал милиционер. – А документы у вас, гражданочка, имеются?

Картина Репина «Приплыли»⁸. Сливай воду. Что же делать? Не предъявлять же ему своё удостоверение? Пробую закосить под дуру.

– Сейчас в сумочке гляну, – хорошо хоть сумка в ретро стиле. Нынешняя мода XXI века мне помогает, но надолго ли? Роюсь в сумке, старательно прикрывая рукой смартфон. Спасает окрик милиционера, стоящего на улице и с напускной важностью беседующий с людьми.

Наверное, старший из наряда.

⁸ На самом деле такой картины не существует. Это просто поговорка Насти.

Его слышно через разбитые окна автобуса.

– Сержант! Где ты там? Карманника допрашивать думаешь?

Они карманника повязали? А если сумку порезать сбоку и перекинуть стрелки на вора? А вот это идея!

Пока милиционер смотрит в окно на старшего, незаметно провожу сумкой по остаткам стекла в автобусном окне. Мягкий кожаменитель разлезается на глазах.

– Ой! Товарищ милиционер! Меня... – делаю максимально кислую рожу и пытаюсь выдавить немного слёз. – Меня ограбили! Тут паспорт был и деньги. Что же мне теперь делать...

– Хнык! Хнык! – *давай, Настя, жми на жалость, только не переусердствуй!*

– Не волнуйтесь, гражданочка! Разберёмся! – он пулей вылетает из автобуса. Тут только обращаю внимание на салон автобуса. Я что, в музей попала?! Выход сзади, окна, с остатками разбившихся от аварии стёкол, маленькие. Везде обитые дерматином узкие сидения, как в обычном ПАЗике. Ладно, разберёмся. Пассажиров в автобусе уже нет. Беру баул на плечо и выхожу следом.

Группа испуганных людей, одетых по довоенной моде прошлого столетия, стоит на маленькой полянке перед лесным массивом. Пассажиры. Оглядываюсь по сторонам. С обеих сторон дороги шумит лес. Со стороны автобуса сосновый, с противоположной – лиственный. Машин – кот на-

плакал, да и дороги грунтовые.

Мать честная! Я попала! Ну, дядя Лёша, ну, генерал Липатов! Каркальщик хренов! Вырвусь обратно – задам тебе! Это куда же меня занесло, а? Судя по недавнему разговору с Липатовым, произошёл вторичный переход, как следствие от путешествия Макдауэл. Чёрт бы побрал это американский «Маятник» и все производные от него! Вот тебе и эманация от Джойлин! А ведь мы с ней по телосложению похожи, поэтому во вторичный переход «засосало» именно меня!

– Гражданочка! – милиционер машет мне рукой. Скидываю баул с плеча и лямки в руку. Тяжеловато так, но по-другому нельзя. Лишние намёки на мою принадлежность к военной структуре сейчас абсолютно ни к чему. Подхожу. Обращаю внимание на его форму – два кубика на петлицах.

Если я правильно помню, то это сержант милиции или как там было? НКВД, вот. Правильно, сержант. Его старший и называл сержантом. А старший у нас кто? Три кубика имеет. Стоп, наморщи мозги, Настя... в Академии историю проходили... это, по-моему, младший лейтенант. Точно!

– Нашли документы?

– Я же уже показывала сумку. Украсили их у меня. Как деньги, так и документы.

– Денег много было? – чуть не брякнула про десять тысяч.

Спокойнее, возьми себя в руки. Это у тебя в бауле российских денег столько, а здешних нет ни копейки.

– Полторы тысячи рублей.

– Сколько?

– Я на заводе работаю. К бабушке ехала, она у меня старенькая, а дед в гражданскую погиб. Копила деньги, чтобы ей помочь, а тут авария, а потом бах – ни денег, ни паспорта.

Немного гнусаво получилось, но вполне правдоподобно. И какая теперь будет реакция нашей доблестной милиции?

– Не волнуйтесь, гражданочка. Мы уже допросили вора. Говорит, что документы кидал на пол, но это ложь: я осмотрел автобус – нет там ничего. Будем искать, – это уже сержант вступился за меня.

– А мне что делать?

– Давайте так: вы сейчас вместе с ещё тремя пострадавшими гражданами проедете в отдел, и мы вам выпишем справки. Это хотя бы на первое время.

– А как я теперь до бабушки доберусь? – я скорчила кислую мину.

– Вот незадача... деньги, обнаруженные у вора, приобщены к делу...

– У меня даже мелочи не осталось.

– Сочувствую. Тогда я с начальством посоветуюсь, и в отделе решим.

Глава 2

В отделении милиции пахло гуталином и ещё чем-то неуловимым. Только когда сержант сел за массивный стол, я поняла о каком втором ингредиенте запаха идёт речь – чернила. Обычные чернила для перьевой ручки.

Раритет, однако!

Общая обстановка в кабинете аскетичная: деревянные полы, покрашенные суриком, но с уже «протоптанной дорожкой», побеленные стены, на одной из которых висит только один портрет – Сталина. Четыре стула и этот массивный стол, обитый дермантином.

Довольно уныло...

Решаю посмотреть в окно и чувствую снова укол в шею.

Нет, стёкла уже натерли шею, придётся приводить себя в порядок прямо здесь.

– Скажите, а у вас зеркало есть?

– Что случилось? – сержант вроде не еврейской наружности, а отвечает вопросом на вопрос.

– У меня после ДТП... аварии стёкла в волосах. Надо бы привести себя в порядок.

– Это можно, – он подошёл к двери в смежный кабинет и открыл её. – Вот, пожалуйста, гражданочка.

Чуть не спалилась с ДТП. Чёрт, какая я тормознутая сегодня! Как угнетающе действует это «попадание». Инте-

ресно, а чем меня наградит судьба? Ну, какую «плюшку» или «рояль» мне дадут? Посмотрим...

На стене висит большое зеркало. Распуская косичку, освобождаюсь от крупных стёкол и аккуратно провожу по волосам. Вроде всё: мелких фракций осколков не замечаю, но голову теперь нужно мыть обязательно. После всех нехитрых действий закручиваю косичку в тугую «улитку». Коричневый твистер⁹ незаметен в моих тёмно-русых волосах и чудесно крепит всю эту ретроградную причёску.

Вот! Наконец что-то из этого времени, а то уже на улице дамы на меня коситься начали. Пойдёт. Конечно в своём времени этот дресс-код подходит для какой-то заплесневелой училки, но тут в самый раз. Теперь определяемся с текущей датой и прикидываем, что дальше делать.

Слегка крашу губы и выхожу из кабинета.

– Спасибо, товарищ милиционер.

– Не за что, – он поднял глаза, остановил взгляд.

Нет, всё-таки мой наряд и макияж отличается от этого времени. Ишь, как глазками прошёлся.

– Вот здесь распишитесь, пожалуйста, – это первой пострадавшей – старушке. Из любопытства скашиваю глаза на документ и обнаруживаю, что мы в Н-ске М-ской области и сегодня 20 июня 1941 года.

Охренеть! По полной программе! Это же накануне Великой Отечественной Войны!

⁹ Женская заколка для волос.

– Так, гражданочка, теперь вы присаживайтесь, и слушаю ваши фамилию, имя и отчество.

– Рогова Анастасия Олеговна.

– Красивое имя.

– Спасибо.

– Год рождения и дата?

– Одна тысяча девятьсот одиннадцатый, шестнадцатого июня.

Быстро я, однако, сориентировалась с датой рождения, перекинув на свой возраст. М-да, давненько меня так не трясло! Где же моя выдержка и непоколебимость? Ау, полковник Рогова! Ты не обычный бабей, а тренированный боец! Быстро взяла себя в руки!

Сержант довольно быстро написал протокол и перевернул его ко мне.

– Вот здесь расписываться? – стараюсь показать, что взволнована.

– Да-да, именно здесь. Вот так. Хорошо.

– Товарищ милиционер, а как же теперь с деньгами быть? – делаю невинные глаза, но, наверное, получилось чересчур кокетливо. Вон, уже интерес ко мне появился.

Мальчик ты мальчик! Не по тебе я, тридцатилетняя тётка, хотя... в моём мире мне тридцати не давали. Максимум двадцать пять.

– Младший лейтенант Соловьёв сказал, что деньги вам можно вернуть. Так сказать, в виду вашего чрезвычайного

положения.

Ну да, мне по легенде ещё шестьдесят километров ехать до бабушки.

Сержант открывает ключом сейф и достаёт оттуда деньги. Тщательно пересчитывает и отдаёт мне указанную в протоколе сумму.

Воровка. Захапала чужие бабки. Не стыдно тебе, Настя? Не стыдно, потому что хочется кушать.

– А можно узнать, когда следующий автобус в М-ск?

– Вынужден, гражданочка, вас огорчить – только завтра утром. В 9—30.

– А гостиница в Н-ске есть?

– Есть, но там без паспорта не поселят.

– А ваша справка?

– Увы. Так сказать, приказ у них есть. Исключение только для детей вместе с родителями.

– И что мне теперь делать?

– Надо подумать. Вы пока посидите вон на том стуле, а когда с остальными закончу – постараюсь решить создавшуюся проблему.

– Скажите, а поблизости магазин есть? Кушать хочется. Я бы пока сходила и купила что-нибудь перекусить.

– Зачем магазин? Тут недалеко есть прекрасная столовая. Сейчас выйдите из здания и сразу направо. Через квартал, примерно, будет та самая столовая.

Вот ду-у-ра. Привыкла у себя закупаться в магазинах,

а сейчас-то всё для народа – столовые, кафе и прочие полезности.

– Ясно, спасибо большое. Я ненадолго.

Теперь как быть с сумкой. Да, в ней, конечно, есть такое, что при осмотре вызовет шок, но не переться же мне с ней в столовку? А, рискну! Я всё-таки очаровала этого мальчика, и он вряд ли будет лезть в мои вещи.

– А можно я пока свою сумку с вещами оставлю?

– Да-да, конечно.

Двигаюсь по тротуару не спеша. Так, заработали рефлекс-ы слезки. Кто-то буравит спину. Резко оглядываюсь. Серая ничем непримечательная личность в широких штанах, футболке с завязками на груди, клетчатый пиджак и такая же кепка-«хулиганка».

Чей? От милиции или кто-то ещё? Нет, милиция никого бы не послала, я для них иногородняя пострадавшая. Тут кто-то другой. Но кто? Ладно, будем посмотреть, как говорят в Одессе.

Иду дальше, стараясь не подавать виду. Невдалеке вижу столовую и боковым зрением наблюдаю справа открывающийся моему взору переулочек. Опа! Внезапно до моего слуха доносится еле слышное шарканье обуви, резкий толчок в бок и я уже в переулке. Не поняла!

– Хиляй вперёд, шмара! Ты чё, в натуре, думала Чалого на твоём лопатнике замели, так в ответку беспредел чинить можешь? Телегу подписала, так мы тебя щас тоже под-

пишем, гы!

– Чё, Сява, она? – из арки одного из домов вышли пятеро. Такая же благодать, как и этот.

– А то!

– Ну, чё? На ремни порезать? Ты кого заложила, дешёвка?

О, как! Не успела отдышаться с попаданством, уже благодать наезжает. Как там в «Марафоне» Российский художественный фильм. – «Слышь ты, не фраер?», ну сейчас получите.

– Слышь, ты, не фраер! Ты на кого батоны крошишь?! На халюву таких, как ты сам бакланов разводить будешь, понял?! Или мне предяву кидаешь? Так если с людьми хочешь базарить – мазу правильную держи, а то, в натуре, по беспределу выходит! Если твой жиган спалился, то неча стрелки на других переводить! Его за шиворот никто к краснопёрым не тянул. С лопатником профанфаронил – его проблемы.

– Опаньки! Да ты из наших?

– Не, братва, чую, что из краснопёрых она. Меня чуйка ещё ни разу не подводила. Походу, у них шмарой работает.

– Ну, чё? Перо в бок и ваши в дамках? А?! – третий уж совсем близко подошёл. Заточка медленно вылезла из рукава и...

Делаю удар пальцем в определённую точку на шее и он, закатывая глаза, валится на мостовую. Резкий разворот и второй, тот самый Сява, получает резкий хук в кадык. Хрустнуло. Снова боевой разворот и сразу двое получают по гла-

зам. Упали. Один из пары оставшихся выхватил из кармана наган. Резкий прыжок в ноги, «Тках!» и пуля по касательной уходит вверх, не задев меня. Резкий удар кулаком в пах, урка сразу сник и пистолет у меня. Последний было метнулся наутёк, но резкий окрик «Стой!» и снова «Тках!» – заставил его замереть. Я резко оглянулась на источник этого окрика и обомлела: на углу переулка, с наганом в руке, стоял... сержант с выпученными от удивления глазами.

* * *

Город Н-ск. Полдень. 20 июня 1941 года.

– Анастасия Олеговна... это как же так... – подходя вплотную ко мне, сержант ещё никак не мог прийти в себя. Видимо такой рукопашный бой ему в диковинку.

Опа! Он даже моё имя с отчеством запомнил. А, кстати, он же протоколы пострадавших должен писать! Что же он тут-то делает?!

– Что «как»? Мне жених показывал несколько приёмов, чтобы от шпаны отбиться, – *будем дальше прикидываться иллангом и перекидывать стрелки на мнимого жениха.*

– Вы понимаете, такие приёмы даже нам на занятиях не показывают. Боюсь спросить, в какой части служит ваш жених.

– Его командир части уже знает обо мне. Мы после свадьбы будем жить в закрытом городке, так что я уже подпис-

ку о неразглашении давала, – *вот так вот, попробуй теперь интересоваться дальше, сержант.*

– Понимаю. Однако вынужден снова попросить вас пройти в отделение. Вы хоть знаете, кого задержали?

– Понятия не имею.

– Шайка Хромого. Они тут давно хулиганят, да только чистенько так, не было у нас на них ничего, а вот теперь... – сержант захлебнулся от избытка чувств.

Эх, мальчик, мальчик! Долго тебе ещё до зубастого оперативника взростеть!

– Я не возражаю, только... кушать очень хочется.

– Я сейчас приведу вас в отделение, сам сбегая в столовую за бутербродами, а там и чай у нас на месте организуем. Пока мой начальник будет писать протокол, я успею.

– А с этими что?

– Анастасия Олеговна! Да вы одного убили! – констатирует милиционер, осматривая Сяву.

– Мамочки! Что же теперь делать?! – делаю испуганное лицо.

– М-да, тут уже просто протоколом не отделаешься...

Вот ведь хитрец. Точно – я ему понравилась!

– И что мне теперь будет?

– Ну, что... кхм... грамоту дадут! Да вы успокойтесь, Анастасия Олеговна, – *как же ему нравится произносить моё имя, ты* – сейчас придём в отделение и я скажу, что увидел, как они приставали к вам с ножом и пистолетом, завязалась

драка и я их сам побил. Ведь вы не возражаете?

– Конечно же, нет! – делаю из себя такую наи-ивну-ую. – Большое вам спасибо. А вас, кстати, как зовут?

– Василий, можно просто Вася.

– А фамилия?

– А вам зачем?

– Приеду домой, сообщу жениху, а уж он сделает всё, что надо по своему ведомству, чтобы отблагодарить вас.

– Тапочкин.

– Как?

– Ну вот, Анастасия Олеговна, и вы туда же. Не везёт мне в жизни с моей фамилией. Начальник вон, Тапкиным зовёт и ещё хохочет при этом.

– Не волнуйтесь, Василий, я не смеюсь над вами, просто такой фамилии ещё не встречала. Она у вас очень милая.

– Правда?

– Правда-правда.

– Спасибо вам.

– Да не за что. А что мы будем делать с этими нехорошими людьми?

– Сейчас завернётё за угол, там аптека у них есть телефон. Скажете, что по моему поручению. Позвоните «02» и после этого сюда прибудет дежурный наряд, а я пока их покараулю.

Город Н-ск. 20 июня 1941 года. Двумя часами позднее.

– Ну что, Тапкин, повезло тебе! – только что вошедший в кабинет начальник Василия явно не скрывал своего удовольствия. – Теперь мне лейтенанта дадут, а ты младлеем¹⁰ станешь. Я уже оформил дело.

Вот ты ж гад! Тапочкин «задержал», а ты его славу себе присвоил?!

– Я – Тапочкин.

– Да хоть Ботинкин, один хрен будет нам повышение. Я в область звонил – сказали готовить представления. Завтра по горячим следам оформят. «Лейтенант Соловьёв» – звучит, а? Ну и гражданке повезло.

– Это чем же? – я удивлённо повернулась к нему лицом.

– Завтра получите грамоту и подарок. Руководство настоятельно попросило Вас задержаться ещё на сутки. Кстати! Вопрос с гостиницей решён. Майор Огурцов сам позвонил и приказал Вас поселить на двое суток. И попутно вопрос: где паспорт получали? Мы туда быстренько запрос пошлём и после подтверждения выдадим через наш паспортный стол дубликат, а то ваш найти не удалось. Карманник, как выяс-

¹⁰ Жаргонное название младшего лейтенанта.

нилось, незаметно выбрасывал документы в окна автобуса.

Та-дам-м! Попала, как кур в ощиц. Думай, Настя, думай!

– Товарищ лейтенант...

– Пока младший, ну раз вы слышали, можно и так обращаться, – его морда аж светилась от моей лести.

– Так вот, мне через три недели снова паспорт менять...

– Почему?

– Замуж я выхожу. Жених мой, Фёдор (*боже, что я плету!*), позаботится насчёт этого. Вы уж не волнуйтесь, – делаем невинное хлопанье глазками.

Настя! Ты что творишь?! Меньше информации – меньше повода для идентификации личности!

– Анастасия Олеговна, назовите нам фамилию вашего жениха.

Вот! Приехала ты, Настя, по полной! И что теперь делать? Ладно, помирать так с музыкой.

– Видите ли, товарищ лейтенант, я уже говорила товарищу сержанту, что мой жених служит в закрытом городке и потому я виделась с командиром его части и с меня взяли подписку о неразглашении. Сами понимаете...

– Это всё понятно, – он махнул рукой – тогда хотя бы телефон, на который можно позвонить.

– Это как? – делаю глаза «по семь копеек», – мне ничего такого ещё не сообщали. Я даже номер части не знаю.

– То есть как? – теперь уже летёха делает шальные глаза.

– То есть так. Доехать до места расположения той части

могу, вызвать жениха тоже могу и внутрь части попасть могу, а вот остальное – только после свадьбы.

– Тогда вам придётся назвать фамилию мужа... эм... жениха. Уж, извините.

Думай, Настя, думай! Допрыгалась в другом времени?! Тут везде сплошной тотальный контроль! Нет, надо потом Липатову сказать, чтобы и такие курсы ввёл. На ум приходит только Фёдор Асташёв, капитан осназа, о котором я и думала, называя его имя. Ещё в Академии осваивала я несколько приёмов рукопашного боя по его методике. Потом читала ещё где-то про него в хрониках. Ладно, рискнём. Только бы он не был женат, а то будет полная «Жо».

– Асташёв его фамилия.

– Кто-кто? – глаза лейтенанта были готовы вырваться из орбит. – Фёдор Асташёв? Капитан осназа?!

Всё, Настя... к тебе незаметно подкрался белый пушиной зверёк. Ты дура или как? Ты что творишь?! Можно подумать, что твои погонь, опыт и прочая спецподготовка накрылись медным тазом. Вот и ещё одно совпадение, скорее всего последнее. Провальное.

– Откуда вы его знаете? – пытаюсь сделать хорошую мину при плохой игре.

– Степан, муж моей сестры, вместе с ним служит. Говорил, что в его группе все женаты, один командир бобылём ходит. Не встретил, рассказывают, такую, которая покорит его сердце. А оказывается, вот оно как: вопрос уже решён.

– Мир тесен... – картинно опускаю глазёнки вниз.

– Тогда мне сразу становится ясно, откуда у вас такая техника рукопашного боя. *(Ну, Вася, ну погоди! Сдал меня с потрохами!)* Это же наркомовская часть. Элита осназа.

– Вот говорил мне Федя, что не нужно никому рассказывать про место дислокации его части и стараться поменьше называть фамилию жениха. Теперь, наверное, будет ругать меня. Номер части начинается на два нуля. Больше ничего не скажу, извините, – заговорщицки шепчу младшему лейтенанту.

– И не надо. Я всё понял и дальше не моё дело. Ладно. Для начала используем возможность сделать вам подарок.

– Да я как-то и не напрашивалась...

– Вы себя в зеркало видели? – ухмыляется Соловьёв.

– Когда собиралась в столовую – осмотрелась, – пытаюсь сохранить спокойствие.

– А после нападения?

– Нет, просто из головы вылетело...

– Не буду указывать пальцем – это некультурно, поэтому сходите ещё раз к зеркалу.

Захожу опять в тот же кабинет и начинаю поворачиваться перед зеркалом. Мамочки! Юбка сзади аккуратно так треснула до подкладки, на кофточке под мышкой разошлись швы, чулки в двух местах, под самым краем юбки, зияют дырками.

Нормально, Анастасия Олеговна! Точно, как потаскан-

ная шмара! До чего же ты докатилась, а?

Выхожу с кислой мордой, молча усаживаюсь на стул и понуро смотрю на обоих милиционеров.

– Что же мне теперь делать?

– В качестве подарка, наше начальство разрешило вам приобрести одежду на замену. Только квитанция останется у нас для отчётности.

– Как скажете. А где у вас здесь хороший магазин одежды?

* * *

Город Н-ск. 20 июня 1941 года. Вечер.

Так. Кое-что прикупила. Юбку а-ля «прощай молодость» в нашем времени. У нас такие только бабульки носят, а тут, оказывается, писк моды. Потом нейлоновую кофточку. Сказали, что цена просто запредельная, но раз НКВД платит, почему бы и нет? Туфли добротные, не то, что нашинские из дерьмовой кожи – ни мягкости, ни удобства ношения. Однако ноге не жмёт, комфортно. Шарфик ещё, тоже нейлоновый. Хотя думаю, что Соловьёв всё это пропустил из-за свояка. Как же – я невеста его командира, в смысле командира свояка.

«Невеста», гы...

Всё-таки хорошо, что примерочная находится далековато от образцов одежды и продавщицы не приносили ничего, а то бы точно был прокол по поводу моего нижнего белья.

Одно сплошное буржуазное, хи-хи. Что бюстик, что стринги.

Ну и напоследок приобрела новую дамскую сумочку, взамен порезанной.

Теперь о птичках. Значит, остался один день до войны. До ВОЙНЫ, твою дивизию! Что будем делать, Анастасия Олеговна? Не, в ноуте есть кое-что такое, отчего Иосиф Виссарионович и Лаврентий Павлович, вместе взятые, будут писать кипятком, но кто мне туда даст ход? Да никто! Там такие «зубры» на подступах, что... ой нет, даже думать не буду. Этот вариант отпадает. Однозначно.

Что имеем в остатке? Рядом с городом лес. Завтра нужно узнать площадь лесных массивов, их расположение, вообще бы карту посмотреть неплохо. Придётся оседать здесь. Сразу всплывает вопрос с документами – как быть? Хрен его знает. Сейчас я как зечка – только ксива в виде справки и всё. Не будешь же всем тыкать своим удостоверением. Один двуглавый орёл чего стоит.

Опять вернёмся к нашим баранам. Налаживать партизанскую инфраструктуру из отходящих частей РККА, да ещё на пустом месте – дело гиблое. Одни комиссары чего стоят. Не, можно было, конечно, достать форму майора, а лучшие старшего майора НКВД, хм... или даже НКГБ, это, кстати, правильнее будет, но мне её никто не доставит и не продаст. За такое сразу к стенке. Вот ведь какая несправедливость. А если бы удалось... м-м-м... сразу бы все

вопросы решились сами собой. Но баба и звание старшего майора НКГБ? Нет, Настя, так всё просто не бывает.

Помечтала? Теперь в души и баньки. Утро вечера мудренее.

Глава 3

Город Н-ск. 21 июня 1941 года. Утро.

Выхожу из номера и направляюсь в отделение. Как ни странно организм отдохнул от стресса. Сумела утреннюю гимнастику сделать, потом позавтракала в буфете гостиницы и, вернувшись в номер, даже сделала ревизию в бауле.

Хорошо бы ноутбук зарядить, а то там батарея уже порядком использованная, но как вспомню, что горничная прибираться будет и на него наткнётся, да ещё на солнечную батарею... у-у-у... лучше уж самой сразу к стенке встать.

Выхожу на улицу и не спеша иду до отдела милиции.

Только бы Вася никуда не делся, а то я знаю их – с утра планёрка и поминай, как звали. Карту! Мне нужно увидеть карту, полцарства за неё!

Дошла, вот оно. Невзрачное здание с табличкой «Районно-городское отделение внутренних дел по г. Н-ску». Дёрнула за ручку двери. Открыто!

О-ля-ля! Везёт мне сегодня. А кто у нас там? О! Вася! И летёхи нет!

– Василий, доброе утро!

– Здравствуйте, Анастасия Олеговна! Как спалось на новом месте?

– Спасибо, не жалуюсь. Василий! А можно мне попросить вас сделать для меня одно дело?

– Конечно! Я с удовольствием вам помогу.

– Мне бы на карту глянуть. Я от жениха ехала с тремя пересадками до бабушки, боюсь потеряться на обратном пути, – и глазёнками опять хлоп-хлоп.

Не, ну как стрельба глазами нам, девушкам, помогает, а! Всё, пластилин в форме НКВД и лепи из него, что хочешь.

Достает карту.

Она, «Сотка»! То ли он перепутал с более масштабной, то ли машинально подал, но эта та, что нужна – в сантиметре километр. Тэкс... посмотрим-посмотрим, что тут у нас. Вот, левый лесной массив. Сколько он по объёму? Около трёх на пять кэмэ, лиственный чуть меньше – два на три. Неплохо, но слишком близко к городу. Немцы захватят Н-ск и спуску тут уж никому не дадут. Отпадает. Что у нас дальше? Примерно в десяти километрах на север от города, мелкий перелесок. Нет, не пойдёт, а вот дальше, за городом, но в сторону М-ска – уже интересно. На расстоянии двадцати кэмэ имеем нехилый такой массив, около восьми на двенадцать километров, рядом озерко и речушка с нормальным таким пойменным лугом, да и железка рядом, с правого бока лесного массива проходит. То, что доктор прописал! Я, конечно, не Кутузов, но туда точно будут стягиваться люди из разгромленных частей РККА. Это с одной стороны, а с другой – фрицы тоже не лыком шиты: наверняка попробуют прочесать его. Ну да как там хохлы гутарят – слепой казав побачимо? Нью-ню.

– Анастасия Олеговна, вы закончили?

– Да, Василий, закончила. Так закончила, что и начинать не хочется...

– Что случилось? Вы чем-то расстроены?

– Вася! Не могу я тебе ничего сказать, уж прости ты меня, скотину такую неблагодарную...

– Да вы что, Анастасия Олеговна, зачем же вы так на себя наговариваете?

– Василий! А Соловьёв где?

– В район уехал, а зачем он вам?

– Наоборот хорошо, что он отсутствует. Хороший ты парень, Вася, но не знаю, как у тебя с языком.

– В смысле?

– Насколько ты болтлив. От этого много чего будет зависеть.

– Я же в НКВД работаю! – вскочил сержант.

– Тихо, Вася, тихо. Успокойся. То, что я тебе сейчас скажу – не просто тайна, она имеет гриф «ОГВ». Ты даже к «Совершенно секретно» доступа не имеешь, а тут такое.

– Анастасия Олеговна, вы меня пугаете.

– Твой начальник – Соловьёв – карьерист. Самый натуральный карьерист, а вот ты – другое дело. Потому я и хочу, чтобы ты жив остался.

– Анаста...

– Понимаешь, Василий... и кража, и жених – это всё для отвода глаз, но есть кое-что в моей биографии...

– И что это?

– Что простому сотруднику, не говоря уж об обычных гражданах, знать не полагается.

– Спорить не буду, есть такие моменты в нашей работе... а вы тоже в органах работаете? – сержант с любопытством смотрит на меня.

– Пожалуйста, посиди спокойно и послушай меня внимательно. Я не могу тебе рассказать ВСЮ информацию, она для тебя слишком тяжела, да и не поймёшь ты половины из неё. Поэтому буду краткой. Завтра начнётся война, понимаешь?

– С кем?

– С фашистской Германией. 22 июня 1941 года в 4 часа утра, на всём протяжении границы от Крыма до Мурманска. Так вот, Василий.

– С Германией? Дружественным государством? Да вы кто такая вообще?! – глаза Тапочкина выражают одновременно ужас и удивление.

– Конь в пальто. Я ещё не закончила. Так вот, по стечению обстоятельств, совершенно от меня не зависящих, мне придётся осесть тут, в Н-ске. Баба-командир – не слишком часто встречающееся сочетание в вашем времени, а потому я пока буду просто наблюдать. Я понимаю твоё удивление, в некотором смысле разочарование и даже подозрение, что я шпионка. Так?

– Не скрою, что вы правы. И что это вы там о времени

говорили?

– Мне будет жалко терять в твоём лице потенциального помощника, если наши боевые пути разойдутся, но и тебя самого жалко. Хороший ты парень: честный, отзывчивый. Только вот справишься ли ты с такой ношей? Будет ли она посильна тебе, Василий?

– Я комсомолец, да к тому же детдомовец. В жизни тоже пришлось хлебнуть.

– Хорошо, ты сможешь со мной сходить в гостиницу? Это не нанесёт удар по твоей репутации, если ты ненадолго закроешь отдел?

– Нет.

Повезло всё-таки, что до гостиницы недалеко. Пока мы шли, Тапочкин молчал. Я понимала, что у него в душе шла борьба. Его мысли витали между той Анастасией Олеговной, бывшей вчера подавленной и беззащитной и другой, которая сегодня просто убила его невероятной и пугающей информацией. Наверняка ему хотелось меня арестовать и передать дальше по инстанции, но интерес к тайне перевесил чувство долга. Наконец, мы пришли.

– Проходи, Василий, и садись в кресло.

– Бить будете или вербовать? – в его голосе присутствовала ирония.

– Если бы я хотела тебя избить или, что ещё хуже, убить, мне понадобилось бы несколько секунд.

– Даже так?! Хотя после того, как вы нейтрализовали шай-

ку Хромого...

– Да, Вася, ты абсолютно прав. Я в совершенстве владею рукопашным боем нескольких мировых школ, стреляю с двух рук одновременно и много чего ещё.

– А диверсии?

– Легко! На раз-два. Но мы отклонились от темы. На, – я подала ему своё удостоверение – открой и посмотри.

– Это удостоверение царской России! – вскакивая, он ткнул пальцем в двуглавого орла.

– Дурак! Говорю же – открой и посмотри, **ВНИМАТЕЛЬНО** причём.

Тапочкин раскрыл его и начал читать. По мере ознакомления с информацией, брови у сержанта поднялись домиком и уже не опускались.

– Дату выдачи прочёл?

– Да, тарщ полковник, 20.. год. Вот это да... а Российская Федерация – это что за страна?

– Преемник СССР. ГРУ – Главное Разведывательное Управление. Аналог чему в вашем времени, как думаешь?

– НКГБ, – автоматом ответил сержант.

– Правильно. А сейчас я покажу тебе ещё кое-что. Смотри, Василий, я потом столько неприятностей заполучу, если ты меня предашь...

– Анастасия Олеговна, товарищ полковник! Не сомневайтесь, я не предам!

Я молча подошла к баулу и щёлкнула молниями. Ноутбук

подействовал на сержанта, как удав на кролика.

– Вот, Вася, это устройство называется электронно-вычислительная машина или сокращённо ЭВМ.

– А что она может? – спросил Тапочкин, продолжая его осматривать.

– Многое. Источником питания служит вот эта батарея, в моём случае, заряжающаяся с помощью солнечной батареи.

– Какой?!

– Вот это устройство преобразует солнечные лучи в электричество.

– Ух, ты!

– А вот это, – я достала смартфон – специальный телефон. Связаться по нему я не могу, потому что в вашем времени нет такой системы связи, но поверь мне на слово, через него, в нашем мире, можно поговорить с человеком, находящимся на любом континенте. А сейчас он может использоваться только как средство хранения или записи информации, ещё имеется фотоаппарат, видеокамера...

– Какая камера?

– Похожая на вашу плёночную, но только более качественную. Смотри на меня!

Когда Василий повернул голову от ноутбука в мою сторону, я быстро его сфотографировала.

– Вот теперь посмотри сам на себя.

Тапочкин уставился в экран, где была видна его физионо-

мия.

– Ничего себе...

– Ну и теперь ещё кое-что... – с этими словами я вытащила из баула свой «Глок». Василий уставился на пистолет, побледнел и вжался в кресло.

– Вы...

– Спокойно, сержант, я не привела тебя сюда, чтобы показать всё это, а потом убить. Хочешь посмотреть? – он кивнул. – На, держи.

Василий отложил ноутбук в сторонку, и с благоговейным взглядом на лице аккуратно взял в руки мой пистолет.

– Вот это оружие! А... оно мощное?

– Калибр 9 мм, подходят патроны от немецкого «Люгера».¹¹ Так что, когда эти твари явятся сюда, этот пистолет мне ещё пригодится. А пока есть ещё две запасные обоймы.

– В руке лежит как влитой.

– И стреляет не в пример лучше ТТ или нагана.

– Эх, если бы у нас было бы такое же оружие... а если обратиться туда? Может, помогут? – он многозначительно показал пальцем вверх.

– Вася! Мне сейчас не пробиться ни к товарищу Берии, ни, тем более, к товарищу Сталину. Сам понимаешь – слушать меня никто не станет, да ещё шлёпнут, как потенциального шпиона.

¹¹ пистолет калибра 9 мм, разработанный в 1900 году австрийцем Георгом Люгером. Его второе название «Парабеллум»

– Это да. Я и то с трудом вам поверил.

– Наша задача: подготовиться к обороне города и отвлечь на себя как можно больше немцев, когда они сюда придут.

– А они придут?

– Придут, Вася, к сожалению, придут.

– Но мы победим? – в глазах этого двадцатичетырёхлетнего парня была тоска.

– Обязательно, Вася. В моей истории это было 8 мая 1945 года. А 9 мая стал официальным днём Победы над фашистской Германией.

– Анастасия Олеговна, товарищ полковник! Как же я рад это слышать!

– Чем больше мы сделаем пакостей немцам, тем быстрее придёт этот день, Вася.

– У меня сейчас такое в душе творится...

– Не сомневаюсь. Я когда сюда к вам попала, стресс был тоже будь здоров. Сама ещё не до конца не отошла.

– Не верится, мне Анастасия Олеговна.

– Что не верится?

– Насчёт завтрашнего.

– Ты вот что... отойди немного от того, что здесь увидел и услышал. Если завтра войны не будет – значит, история пошла по-другому пути и я, как источник информации, уже не представляю ценности. Сейчас Соловьёв прибудет в отдел, так ты отпросись у него. Скажешь, мол, живот прихватило. Если ты мне не веришь – просто отдохни ночь, а выйдешь

на работу – можешь даже арестовать меня. Я согласна на такое. Мне терять нечего – в своё время, думаю, я уже вряд ли попаду, так что теперь, как судьба распорядится. Но если завтра наступит война...

– То я обещаю вам всяческую поддержку! Всё, что смогу!

– Договорились, Вася. Я даю тебе честное слово командира, что не сбегу из Н-ска. Некуда мне бежать. По-настоящему – нет у меня ни жениха, ни родных здесь.

– Я вам верю, Анастасия Олеговна.

* * *

Город Н-ск. 22 июня 1941 года. 6 часов 00 минут по московскому времени.

Проснулась от гула сирены. Наскоро одевшись, выбежала в коридор. Дежурная по этажу стояла в вестибюле, вместе с заведующей, невесть откуда явившейся в такой ранний час. Обе они плакали, размазывая слёзы и тушь по лицу.

– Девочки! Что случилось?

– Война, милочка... так вот... н-н-немцы на нас напали...

Я вышла на улицу. Несмотря на ранний час, около отдела милиции, у громкоговорителя на столбе, стояла толпа народа и слушала чрезвычайное сообщение Правительства СССР голосом Левитана:

«Внимание! Говорит Москва! Передаём важное правительственное сообщение! Граждане и гражданки Советско-

го Союза! Сегодня, в четыре часа утра, без всякого объявления войны, германские вооружённые силы атаковали границы Советского Союза! Началась Великая Отечественная война советских народов против немецко-фашистских захватчиков! Наше дело правое! Враг будет разбит! Победа будет за нами!»

В груди у меня защемило, накатили слёзы, и я в один миг прочувствовала, что ощущали эти люди. Словно тысячи душ вывернуло наизнанку, а их эмоции каким-то непонятным образом стали доступны мне. Я поклялась себе, что приложу максимум своих знаний и умений, все свои силы, чтобы победа пришла хоть на неделю раньше. Даже, если мне придётся погибнуть. Что моя жизнь, в обмен на несколько тысяч спасённых? Я готова на такой размен!

Из отдела вышел бледный Тапочкин. Он угрюмо взглянул на толпу и только сейчас увидел меня.

– Анастасия Олеговна... вы уже знаете, да?

– Знаю, Василий, знаю... в душе пустота и скорбь. Ты хоть представляешь, сколько там сейчас гибнет народу? Жуть...

– Анастасия Олеговна, я сдержу своё слово. Есть новости. Пожалуйста, зайдите внутрь.

В кабинете было тихо и пусто.

Несмотря на ранний час, в стране ЧП, а Соловьёва ещё нет. Хм... надо поинтересоваться у сержанта.

– Вася, а где лейтенант?

– Приказ уже подписан. С сегодняшнего дня я – младший

лейтенант, а Сергей Ильич уехал в М-ск. Там сейчас много дел – областной город, сами понимаете, – только сейчас я заметила на его форме новые знаки отличия.

– Василий, а Соловьёв ещё приедет?

– Нет. Его срочно перевели в областной город. Есть ещё дежурный отдел, а в управлении останусь только я и ещё будет нужна стенографистка из гражданских. Таков приказ.

– Значит, слушай меня. Сделаешь мне паспорт, думаю, что у тебя есть связи в паспортном столе. Потом примешь меня на работу...

– А...

– Тапочкин! Сделаешь так, как я сказала. Мне нужно легализоваться у вас в городе. Это понятно?

Младший лейтенант кивнул.

– Отлично. Доставай карту, будем знакомиться с местностью. Вот здесь – я ткнула в понравившийся мне ранее лесной массив, – я планирую создать базу для сопротивления немцам. Аккуратно поинтересуйся насчет этого леса. Планируют ли там чего строить или нет. Только смотри сам не попадись, а то будет нам сопротивление немецко-фашистским оккупантам – самих к стенке поставят.

– Хорошо, Анастасия Олеговна, я буду предельно аккуратен.

– Да, и с жильём нужно решить вопрос. Мне завтра из гостиницы съезжать, сам понимаешь, что комнату придётся искать.

– Есть такая комната, даже рядом с отделом. Тут, на втором этаже жилого дома, старушка сдаёт жильё. Наши командированные всегда у неё останавливались.

– Отлично. Такой вариант меня устроит.

* * *

Город Н-ск. 2 июля 1941 года. Утро.

Сводки Совинформбюро совершенно не располагали к работе. Прекрасно понимая, что происходит на полях сражений и какие мы несём потери, я находилась в подавленном состоянии и только силой воли заставляла себя работать. Василий смог «восстановить» мне паспорт и официально взял меня на работу стенографисткой. Сейчас он уже не просиживал в кабинете, а занимался множеством дел, в одночасье свалившихся на этого двадцатичетырёхлетнего парня.

Став на постой к миловидной старушке, Марии Ивановне, я сразу ощутила заботу и внимание пожилого человека. Насчёт завтраков, обедов и ужинов можно было не беспокоиться, а вот с вещами дело обстояло куда хуже. Пару раз я уже заставляла её около своего баула, но внятная и вежливая беседа свела на нет все попытки бабы Маши достать мои вещи и препроводить их на вешалки в её большом шкафу. С дополнительным гардеробом пришлось тоже повозиться: с учётом новой должности мне выдали аванс, и я докупила кое-что на смену из одежды, да пару комплектов нижнего бе-

лья этого времени, дабы не попасть в щекотливую ситуацию.

Таким образом, все основные житейские трудности были решены в достаточно короткий срок, и я с большим усердием вклинилась в работу.

Порядок в городе поддерживали ещё несколько рядовых милиционеров во главе с сержантом Михеевым. Первые летучки, проведённые Тапочкиным, показали, что весь состав НКВД Н-ска намерен самым решительным образом пресекать саботаж и беспорядки в городе. После каждого совещания младлей советовался со мной по тем вопросам, казавшимся ему не совсем понятными.

Высокое областное начальство приезжало всего один раз – проверить организованную Василием работу, заодно пустив слюни по поводу такой стенографистки. Майор Огурцов вкрадчиво предложил мне перевод к нему в отдел, но в цензурной форме и обтекаемо был послан лесом, стройной колонной, под барабанную дробь. Напоследок поинтересовавшись моей возможностью поддерживать связь с «женухом» и получив ответ, что письма ещё ходят, он посчитал себя удовлетворённым положением дел в отделе и убрался восвояси.

– Фу-у-ух. Как камень с души упал, – подытожила я отъезд начальства – до чего же я не люблю всякие проверки!

– И не говорите, Анастасия Олеговна! И так нервы ни к чёрту, а тут ещё проверка.

– Ты узнал о нашем лесном массиве?

– Кое-что.

– Слушаю тебя.

– Этот массив считается бесперспективным. Никаких инженерных сооружений там не планируется возводить, а основные склады будут расположены за М-ском.

– Понятно. Нужно проявить небольшую инициативу и создать несколько блиндажей в том лесу. Сможешь это сделать, не привлекая к себе внимания? Если это будет на грани серьёзного подозрения – не рискуй.

– Я попробую, товарищ Рогова, но не сразу. Возможно, за пару недель смогу организовать два-три блиндажа.

– За такое время ты сможешь сделать только обычные землянки.

– А какие нужны?

– Василий! Абы чего строить не будем. Тут каждая оплошность может стать роковой.

– Понимаю. А вы не могли бы сделать чертежи этих конструкций?

– Легко. Сегодня к вечеру будут готовы планы всех инженерно-технических сооружений, но основную привязку необходимо будет осуществить на местности. Для этого нам придётся выехать в лесной массив.

– Этот вопрос решаем. Завтра-послезавтра смогу взять грузовик в райисполкоме. Нужно будет забрать документацию и бланки в М-ске.

– А на обратном пути заглянем в лес.

– Так точно.

* * *

Город Н-ск. 4 июля 1941 года. 20 часов 00 минут по московскому времени.

Вся пропиталась потом и пылью. Только что приехали из М-ска, озаботившись пополнением бланков всевозможных справок и документов, заодно завернув в искомый лес. Несмотря на то, что ездили в управление, рискнула взять с собой смартфон, тщательно спрятав в сумочку. Уже на месте он оказал нам неоценимую службу. Все спорные участки были сфотографированы и уже после работы, примерно с 18—00, мы обсуждали планы сооружения инженерных конструкций. Всю систему блиндажей было решено возвести с учётом отвода вентиляции метров на сто от центрального входа, не забыв про запасные выходы. Для Василия такая конструкция была в новинку, поэтому он просто взирал на чертежи и слушал, что я ему рассказываю, изредка задавая вопросы по некоторым нюансам предстоящего строительства.

– Не знаю, Анастасия Олеговна... такие блиндажи мне не доводилось видеть, но осознаю, что это очень продуманная конструкция. Остаётся вопрос о возведении. Сами понимаете, что большое количество людей для такой стройки не выделить – это создаст нездоровый интерес среди самих

строителей, да и слухи уйдут наверх.

– Василий! Не стоит использовать местных жителей. Поскольку беженцы частично оседают у нас в городе, целесообразнее привлечь к строительству бригады сформированные из них. Возможно, та низменность в двадцати километрах от города, в пойме реки, будет использована для заградительных сооружений. Тогда часть строительных бригад можно перенаправить на сооружение блиндажей. В нарядах укажи их как дополнительные инженерные сооружения.

Глава 4

Город Н-ск. 25 июля 1941 года. Районный отдел НКВД.

За три недели много воды утекло. Честно говоря, времени на поспать или поесть почти не было. Утреннюю гимнастику я не забросила, хотя для этого приходилось вставать почти на час раньше.

Общим приказом по НКВД наш городок стал считаться прифронтовым и хотя канонады мы ещё не слышали, количество беженцев неумолимо росло. Колонны с ними проезжали на машинах, автобусах и даже на телегах. Навстречу беженцам следовала военная техника. Некогда пустынная дорога около Н-ска превратилась в оживлённый тракт.

Сегодня я как обычно явилась на работу, но взъерошенный и небритый Тапочкин сразу испортил мне настроение.

Наверняка случилось что-то чрезвычайное, заставившее его провести бессонную ночь.

– Доброе утро, Василий. Судя по твоему виду, ночь прошла без сна. Что-то случилось?

– Случилось Анастасия Олеговна и не очень хорошее...

– Ну, чего замолчал?

– Приказом по НКВД М-ской области теперь в отделах должны служить только военнообязанные лица.

– И какая в этом проблема?

– Ну, вы же не согласитесь стать рядовым сотрудником НКВД?

– Это почему же?

– Потому что вам придется выезжать на задержания и другие оперативные мероприятия.

– Эх, Вася, Вася... долго тебе ещё учиться всем премудростям службы.

– Почему?

– Потому что в складывающейся ситуации я предвидела такой приказ и, естественно, была к нему готова.

– Значит, вы согласны?!

– Конечно.

– Тогда вот, – Тапочкин достал из папки напечатанный лист и протянул его мне – это приказ о призыве вас на службу в органы, с присвоением звания рядовой.

– И вот из-за этого ты провёл бессонную ночь?!

– Я долго думал, четыре раза печатал его, потом рвал. Наконец решил снова напечатать и будь что будет.

М-да... если бы этот молодой человек не был влюблён в меня по уши, неизвестно как сложилась бы моя судьба в этом времени.

После обеда я уже побывала в отделе военторга магазина одежды и на основании приказа райотдела НКВД выкупила новенькую женскую форму. За небольшую плату мне подогнали её под мои параметры, и уже из магазина я вышла, как настоящий сотрудник НКВД.

Не, оригинальная расцветка – я вся такая «синенькая», да и тимпочка на беретке – класс!

Добравшись до работы, увидела припаркованную «Эмку» у отдела. Судя по номеру автомобиля, к нам наведалься младший лейтенант НКГБ Журавлёв, представлявший госбезопасность в Н-ске, так сказать, в единственном числе.

Подойдя к кабинету Тапочкина, я услышала ор гэбэшника. Задержавшись перед дверью, решила подслушать разговор. Судя по нему, Журавлёв только что подъехал.

– Вася! Ты что, охренел?! Ты какие дела проворачиваешь в Семёновском лесу, а? Или тебе жизнь не дорога? Это хорошо, что мы с тобой из одного детдома, вместе росли, вместе учились. Я тебя очень хорошо знаю, а то бы... сам понимаешь. Ну, колись, чего ты там задумал?

– Серёга, извини, но не могу я тебе этого сказать...

– Вася! Ты что? Ты к немцам переметнулся?!

– Скажешь тоже!

– Тогда кто из твоего руководства дал тебе команду строить замаскированные блиндажи стратегического назначения? И давай не будем ездить по ушам – ты до такой конструкции сам бы никогда не додумался. Это только по нашему наркомату проходили такие инженерно-технические сооружения.

– Это не моя тайна...

– Вась! Ты хоть понимаешь, что я буду вынужден с тобой сделать?

– Твоё право, осуждать не буду...

– Сдать оружие! – голос Журавлёва стал стальным.

Я решила не усугублять положение и вошла. Нет, я легко могла прикинуться шлангом, но тут будет белый пушной зверёк нам обоим. Нужно попытаться привлечь гэбэшника на нашу сторону. Риск, конечно, есть, но другого выхода просто не было.

– Товарищ младший лейтенант госбезопасности, разрешите обратиться к младшему лейтенанту Тапочкину!

– Не разрешаю. Он арестован.

– За что? – делаю глаза навывкат.

– За антисоветскую деятельность и подрыв обороноспособности в Н-ском районе.

– Это как же так?

– Вам, рядовая, знать не положено. У вас есть оперативная работа? Вот ей и занимайтесь.

– Товарищ младший лейтенант, тогда и меня арестовывайте.

– За что?

– Мы оба работали над этими инженерно-техническими сооружениями.

– Что? Василий! У нас в отделе НКВД шпионская ячейка?!

– Хуже, товарищ младший лейтенант госбезопасности, намного хуже, – это уже я играю ва-банк.

– Да как вы, рядовая, разговариваете со старшим по зва-

нию?!

– Журавлёв! Сядь на стул и не пыли. Хочешь получить ответы на вопросы заданные Тапочкину – тогда успокойся.

Младлей медленно поворачивает наган Василия в мою сторону, но уже не успевает закончить задуманное. Резкий толчок в кисть, дозированный профессиональный удар в шею и вот уже он мешком оседает на стул.

– Вот так вот. Посиди, охлони малость. Говорить ты можешь, а двигаться – пока нет.

– Вы кто? – его глаза излучают дикий ужас.

– Конь в пальто. Сначала ответь-ка на такой вопрос: кто ещё знает о блиндажах в том лесном массиве?

– Кроме меня из НКГБ пока никто.

– А в других структурах власти?

– Тоже никто.

– Отлично. Теперь слушай меня внимательно, Журавлёв. Скоро немцы будут здесь. Примерный срок – между двенадцатым и двадцатым октября, но всё может поменяться. Если наши доблестные военачальники прохлопали такой стратегический объект для ведения партизанской войны, то это не значит, что другие не могут им воспользоваться. Причём для тех же целей.

– А...

– Подожди, сначала выслушай, возможно, моя информация сведёт на нет часть твоих вопросов, – он кивнул, но продолжал пялиться на меня.

– Итак. Ты понял, для чего эти блиндажи строятся, но сейчас горишь желанием узнать кто эта дамочка, спецударом выбившая у тебя оружие, а потом и вовсе парализовавшая твоё тело? Наверное, думаешь, что я из немецкой разведки и завербовала Васю? – он кивнул.

– Понимаешь в чём дело... если я тебе это скажу, то вся информация будет переведена под гриф ОГВ, и ты станешь носителем гостайны стратегического направления. Ты готов быть всю жизнь под колпаком у Лаврентия Павловича?

– Эм... э-э-э... а Вася?

– А Вася решился на это.

– Я так понимаю, что здесь всем заправляете вы? – Журалёв уже оправился от шока и с интересом смотрел на меня.

– В обычной работе командует Тапочкин, а что касается тобой упомянутого направления – здесь да, осуществляю главное руководство только я.

– Чертежи блиндажей у вас откуда?

– Отсюда, – показываю ему на свой висок – и не только их. У тебя сейчас есть два выхода из создавшейся ситуации – либо ты прикидываешься шлангом и забываешь об этих сооружениях, либо...

– Либо что?

– Либо становишься носителем гостайны и тогда уже впрягаешься в общее взаимодействие.

– Можно узнать ваше настоящее звание? – кажется, млад-

ший лейтенант понял, откуда ветер дует.

– Скажем так, старший майор. Курирую отдел Главразведупра.

– Охренеть... – Журавлёв кратко и ёмко охарактеризовал сложившуюся ситуацию. – Эх, Вася, а ещё друг называется.

– А я чего? Или тебя не учили держать язык за зубами?

– Ты, оказывается, можешь старшим майором НГКБ командовать, вот везуха тебе.

– Мальчики, не отвлекаемся. Так что ты решил?

– А-а-а, где наша не пропадала! Согласен.

– До дома недалеко, но рабочий день ещё не закончен, поэтому отдел пока покидать не будем. Василий! Объясни другу, кто я есть.

– Полковник Главразведупра из 20.. года. Перемещение во времени. Серёжа! Анастасия Олеговна назвала мне дату нападения немцев, с точностью до часа. Я тебе клянусь, что это так! Для того, чтобы уменьшить срок военных действий, она предпринимает все эти мероприятия. Кстати, имеет спецоборудование и оружие. Я его сам видел.

– Тарщ... разрешите я вас буду называть по званию из этого... из будущего? – киваю, – разрешите ещё один вопрос?

– Спрашивай, Журавлёв.

– Тарщ полковник, мы войну выиграем и когда?

– Это два вопроса, но отвечу. Да, выиграем и в моем времени она закончится 8 мая 1945 года.

– Сколько? Это же почти четыре года...

– Да, Сергей, и наша страна потеряет более двадцати миллионов жизней.

– Что?! – теперь уже оба младлея спросили в унисон.

– Солдаты, женщины, дети, старики. Вот потому я и стараюсь, чтобы их хоть немного меньше погибло.

– А может получиться?

– Если бы я этого не знала, то и не пыталась бы что-то предпринять.

– А знаете, тарщ полковник, я вам верю. Даже без предъявления доказательств.

– И почему? – *ну-ка, ну-ка, младший лейтенант, сейчас посмотрим, какой ты оперативник.*

– Нас учили этому. Вот вы говорите так, что как будто знаете не понаслышке об истории и в хронологическом порядке. Уверенно, что ли.

– Хм, интересно... продолжай!

– Потом наше ведомство вселяет страх среди рядовых граждан, а вы ведете себя, как человек, сам проработавший в органах довольно долгое время. Опять же, при входе в кабинет вы сразу взяли меня в оборот. Видна ваша оперативная хватка. И причём работаете вы именно в госбезопасности. У вас даже взгляд человека из разведки или контрразведки.

– Журавлёв! Ставлю вам «отлично» за теорию и практику анализа.

– Только за это?

- А за физподготовку и рукопашный бой «неуд», – ответила я ему и Василий заухмылялся.
- А можно мне восстановить двигательные способности?
- А ты будешь себя хорошо вести?
- Я же дал слово.
- Хорошо, поверю тебе, – ещё моё одно касание пальцем и он обретает своё тело вновь.
- Фу-у-ух... как тело-то затекло....
- Это пройдёт через десять минут.

* * *

Город Н-ск. 8 августа 1941 года. Районный отдел НКВД.

После вечернего чаепития в тот день у бабы Маши, мы более сблизились духовно (а вы что подумали?) и оба моих помощника начали проявлять рвение к поставленным мною задачам. Журавлёв не менее эмоционально, чем Вася, отреагировал на диковинные вещи из будущего, а его недоверие сошло на нет.

За прошедшее время четыре из семи запланированных блиндажей уже готовы. Каждый из них способен вместить в себя около трёх десятков бойцов. Внутри были оборудованы спальные места в виде двухъярусных нар, системой вентиляции, уходящей далеко от места расположения блиндажа и выходящей в замаскированный выход на поверхно-

сти. Двойные входы и выходы, тоже хорошо замаскированные, позволяли в случае обнаружения противником осуществить достаточно безопасный отход бойцов. Был построен ещё один блиндаж, но обыкновенный – под склад пищевых продуктов, медикаментов и мелкого инвентаря. По мере возможности мы заполняли его всем необходимым, стараясь не привлекать внимание окружающих. Ежедневные вести с полей войны заставляли нас, насколько это было в наших силах, увеличивать скорость возведения инженерно-технических сооружений, одновременно планируя сохранение некоего костяка группы, которая в разумных пределах будет обслуживать выводимую с передовой технику. Журавлёв и Тапочкин провели запланированный руководством осмотр районной станции МТС и ремонтных цехов местного механического завода, заодно выяснив наличие возможности «отжать» некоторые объёмы ремонтного оборудования и небольшую часть пожилого персонала слесарей-механиков, не попадавших под воинский учёт. Кроме того нашлась пара одиноких медсестёр преклонного возраста, из местной больницы, готовых примкнуть к нам. Они были настроены глубоко пессимистично и испытывали страх и безысходность перед предстоящей эвакуацией. Вкрадчивые беседы младшего лейтенанта госбезопасности позволили привлечь их на нашу сторону, вкуче с тремя слесарями, плотником и одним поваром из здешней столовой. Минимальный костяк группы был готов.

Люди, проникшись энтузиазмом, изъявили желание оказывать посильную помощь в наполнении закроев склада. После работы, несмотря на сильную усталость, три женщины из нашей группы, собираясь на квартире одной из них, осуществляли заготовку маринадов. Пусть эти запасы были скромны, но видели бы вы с каким воодушевлением люди выполняли эту работу. Степан Лукич, самый старший по возрасту и очень опытный специалист в механо-сборочном цеху МТС, возжелал пообщаться с непосредственным руководителем группы и был неслыханно удивлён, увидев вместо умудрённого опытом мужика, как он думал, фигуристую дамочку. Это его слова. Однако по мере нашего с ним общения, седой, как старый лунь, механик в корне изменил своё мнение обо мне, обещав собрать весь домашний и частично производственный наборы ключей и других необходимых инструментов. Заодно он согласился присмотреть за остальными двумя слесарями, чтобы дать тем сигнал к началу сбора в условленном месте. Иван Антонович, столяр в третьем поколении, был человеком небольшого роста и пенсионного возраста. Он с большим энтузиазмом встретил слова начальника районного отдела НКГБ о привлечении его «на службу» и уже через пару дней, после наступления темноты, перевёз весь свой нехитрый скарб в один из блиндажей, оставив дома только всё самое необходимое. Раз в три дня, используя свою служебную «Эмку», Журавлёв перевозил заготовленные маринады, некоторые комплекту-

ющие в виде болтов, шайб, шплинтов и гаек разного диаметра, а также другие полезные мелочи, умело «экспроприированные» на механическом заводе и МТС.

* * *

Окрестности Н-ска. 19 августа 1941 года. Полдень.

Сегодня Журавлёв принёс плохую новость: немцы прорвали фронт в двухстах километрах отсюда, и танковая колонна углубилась в наши порядки более чем на сорок километров. Число беженцев увеличилось многократно, одновременно с этим начались первые воздушные налёты. Нас с Тапочкиным разделили: он остался контролировать возведение противотанковых сооружений за Н-ском, заодно не упуская возможности заниматься строительством блиндажей, а меня временно выставили регулировщицей перед городом. В принципе ничего сложного.

Некоторые бойцы и командиры, из проходящих колонн с военной техникой, даже пытались завязать со мной знакомство, путём дарения букетиков с полевыми цветами и подмигиванием с проезжающих машин, но их потуги оставались тщетны. Было движение и в обратном направлении: колонны с беженцами, вперемешку с потрёпанными частями РККА, двигались за Н-ск. Некоторые бойцы проходили в окровавленных повязках, передвигаясь понуро и не спеша.

Когда одна из колонн поравнялась с перекрестком, на ко-

тором я и стояла, кто-то издали прокричал команду «Воздух!» И подтверждая его слова, из-за верхушек деревьев лесного массива вынырнула группа бомбардировщиков и пара «мессеров». Видимо, наше командование было извещено, что за линию фронта проникла целая вражеская эскадрилья, потому что навстречу им уже спешили несколько «ишачков».¹²

Завязалась свалка в воздухе. После этого воздушного боя на колонну техники удалось зайти только одному немецкому бомбардировщику, однако и наши истребители были сбиты. Сбросив бомбы ещё в конце колонны, немец поплёлся обратно, а «мессеры» прошлись очередями по остальной массе транспортных средств.

Двигающемуся недалеко от меня грузовику не поздоровилось и с прошитой очередью кабиной он остановился напротив моего поста. Голова водителя безвольно повисла на руле, а с открывшегося в мою сторону правого борта «полуторки» высыпал десяток красноармейцев, сразу приснувших по обе стороны дороги. Внутри кузова сиротливо остался стоять на большом ящике брошенный бойцами ДШК.¹³

Чуть поодаль раздались крики и плач из разбомбленного автобуса, примерно похожего на тот, с которого началось моё приключение в этом мире. Над беженцами послышался характерный визг заходящих на второй круг самолётов про-

¹² Жаргонное название истребителя И-16.

¹³ 12,7 мм крупнокалиберный пулемёт Дегтярёва – Шпагина.

тивника. От всей этой ужасной картины налёта на меня накатила такая злость, что рванув к машине я мигом очутилась в её кузове. Пулемёт уже был снаряжён магазином, осталось отодвинуть его от борта рядом с кабиной, раздвинуть санки и передернуть затвор. С большой злостью я пнула этот ящик и он на моё счастье сдвинулся с места, заскрежетав обитыми жестью полозьями и позволив протащить себя до противоположного борта машины. Не обращая внимания на грязь в кузове, я села на коленки возле пулемёта и решила пощекотать нервы этим ублюдкам в «мессерах», которые пользуясь безнаказанностью продолжили своё чёрное дело.

До сих пор вспоминая тот бой и мою первую стрельбу из крупнокалиберного пулемёта, считаю, что только удача помогла мне сделать это доброе дело. Стиснув ручки пулемёта, я начала стрелять, выплевывая очередь в противоход «мессерам». Ведущий наткнулся на неё почти сразу. Задымив черным густым дымом и отвалив в сторону, он упал рядом с лесом в овражек. Второй попытался уйти на вираж и ему не хватило совсем немного, но, как говорится, чуть-чуть не считается. Этого унесло прямо на деревья, где он благополучно взорвался.

Совершенно оглохшую, с перепуганными глазами, меня буквально вынесли с кузова и стали заботливо за мной ухаживать. Кто притащил воды, кто полотенце. Не знаю, как я всё-таки услышала из-за гвалта тот жуткий плач ребёнка, но, тем не менее, это случилось. Я вырвалась из заботливых рук

бойцов и устремилась вперёд, где стоял разбомбленный автобус. Передняя его часть представляла собой кашу из дерева, металла и частей человеческих тел. У заднего колеса автобуса на спине лежала женщина. Под её головой натекла уже большая лужа крови, а рядом с ней на коленках сидела девочка и плакала, взяв в ладошки руку погибшей матери:

– Мамочка, не умирай! Как же я теперь жить-то буду? Папка погиб, теперь ты... мамочка, встань, ну пожалуйста! У меня больше никого нет!

Я молча схватила её, подняла на руки и понесла подальше от всего этого ужаса. У переднего края колонны скопилось несколько офицеров, которые что-то горячо обсуждали. Увидев меня, один из них поманил рукой. Я приблизилась и поставила девочку на землю. Та обхватила меня обеими ручками и испуганно прижалась ко мне всем телом.

– Представьте, боец! – приказал седовласый командир какой-то части, с четырьмя шпалами.

Хм... если память не изменяет, то это полковник.

– Рядовая НКВД Рогова. В настоящий момент являюсь регулировщицей.

– Если бы так действовали все бойцы нашей армии, то немцы не летали бы над нашими головами. Архипов! – на его зов прибежал лейтенантик.

Адъютант, наверное.

– Слушаю, товарищ полковник!

– Принеси мне из личного запаса «Красную Звезду»

и удостоверение. А вам, товарищ рядовая, ещё напишу представление на сержанта. Заслужили.

Как там правильно отвечать... ой, не помню... что-то про труд и народ было... а! Вот!

– Служу трудовому народу!

– Василий Афанасьевич! Давайте я сам представление напишу, а вы завизируете? – к полковнику подошёл капитан в форме НКВД.

– Договорились, Анатолий Павлович! Только ты не забудь.

– Да мы сегодня вечером уже в М-ске будем, вот сразу и зайду в областной отдел.

– Рогова! Что с девочкой?

– Товарищ капитан! Разрешите мне её у себя оставить? – попросила я, видя как девочка жмётся ко мне и совершенно не хочет никуда идти. Словно понимая, что решается её судьба, она вдруг заревела в голос:

– Дяденька, военный! Не забирайте меня у тёти! Она хорошая, добрая!

– Ишь, как прикипела, – у полковника встал комок в горле. – Капитан, напиши ещё сопроводительную на девочку. Пусть выдадут соответствующие документы об удочерении. Такой боевой девушке можно доверить ребёнка.

Стоявшие рядом бойцы одобрительно загудели. Через пару минут принесли сумку с документами погибшей матери. Девочка оказалась моей тёзкой. Вот тебе и фунт изюма! Со-

шлись два одиночества в этом мире, две Насти. Малышке было всего семь лет и родом она из Минска.

– Тётя Настя, а можно я вас буду мамой называть? – на меня смотрели голубые глаза ребёнка, испуганного недавним авиационным налётом и только что пережившего смерть родной матери.

– Можно, дочка, можно... – ну вот, и я поплыла. Чисто по-женски: в горле комок, в глазах слёзы, а в груди не хватает воздуха.

Кое-кто из бойцов быстро пробежался с «сидором» по колонне, и моей новоиспечённой дочери собрали тушёнки, пару десятков кусков сахара, пачку чая, несколько яблок и даже кисет с махоркой для обмена на продукты. Старшина, кражистый пожилой украинец, отдал мне тот «сидор» и с дрожью в голосе проговорил:

– Дочка! Ты просто не бачишь, яко́й ты чоловик! Да и дивчина дуже гарная. Не коснулись бы тобі пули, да обрести мужа-красавца!

Мне вручили удостоверение к ордену, помогли проколоть дырку на гимнастёрке, и я стала обладателем первой награды в этом мире. По колонне уже прошёл слух о моём отражении воздушной атаки, и практически каждая проезжающая мимо меня машина останавливалась, а сидевшие в них бойцы и командиры отдавали мне честь.

Чёрт возьми, как приятно! В моём мире такого никогда не случалось.

Глава 5

Н-ск. 19 августа 1941 года. Вечер.

К 18—00 меня сменила профессиональная регулировщица, ефрейтор Куликова. Узнав обо всех перипетиях сегодняшнего дня, она заахала и в качестве подарка преподнесла моей дочке леденец в форме петушка. Заодно поздравила с орденом и возможным повышением звания. Добравшись на попутке в город, я первым делом отвела Настю к бабе Маше и попросила нагреть воды. Та выслушала историю, заохала и запричитала, потом похвалила меня за доброе сердце и помогла искупать дочку. После водных процедур Настя поела и уже через десять минут уснула на моей кровати. Я попросила Марию Ивановну присмотреть за ребёнком, а сама быстро дошла до отдела.

Журавлёв и Тапочкин пили чай в кабинете младлея, когда туда ввалилась я. Моя пыльная форма с сияющей на гимнастёрке Красной Звездой произвела шок на обоих моих добровольных помощников. Василий резко вздохнул, отчего подавился сухарём и закашлял.

– Разве можно так пугать людей, Анастасия Олеговна? – с этими словами Журавлёв кинулся стучать по спине своего друга.

Потом состоялась краткая пресс-конференция: как, почему и где. Заодно они узнали о сержанте Роговой и о том, что

у меня появилась дочь. Про уничтожение вражеских самолётов они слушали с вытянутыми физиономиями и затаив дыхание, иногда выдавая только одну букву – «ё».

– Анастасия Олеговна! Мы завтра с вашими документами на девочку ходим в райсовет и оформим удочерение. А как теперь быть с нашим общим заданием? – спросил Василий, ошарашенный моим недавним рассказом.

– Вася! Всё остается в силе. Пока девочка будет на попечении бабы Маши, а потом... хм... придётся её брать в отряд. Другого выхода я не вижу. Конечно, риск есть, но видели бы вы её глаза...

– Анастасия Олеговна, вот только про глаза не надо, а? Если вы не забыли, то мы с Василием тоже из детского дома! – Сергей разволновался. – И уж кому-кому, а нам кажется, что за такой поступок вообще надо Героя давать!

– Ну, это ты загнул, младлей, – усмехнулась я.

– Нет, Анастасия Олеговна, – Тапочкин уже пришёл в себя – не знаю как у Серёги, а у меня, если и были какие-то сомнения на ваш счёт, то после сегодняшнего они полностью рассеялись. Вы – настоящий полковник!

М-да... как там у Аллы Борисовны Пугачёвой... «настоящий полковник»? Угу.

– Так, товарищи, если ко мне нет никаких просьб, приказаний по службе и прочего, пошла я спать. Сегодня был тяжёлый день.

Н-ск. 20 августа 1941 года. Утро.

Сегодня я первый раз пропустила зарядку. А всё от того, что до часа ночи стирала форму, потом поднялась в шесть нуль-нуль и целый час досушивала её утюгом.

Чёрт, всё равно пятно от смазки ДШК осталось! Вот, блин, непруха!

Настёна проснулась около семи, самостоятельно умылась и уже ждала вместе с бабой Машей за столом. Мы быстро попили чаю, оделись и довольно быстро дошли до моей работы.

Несмотря на раннее утро, в отделе НКВД было полно народу. Я с удивлением узнала в собравшихся там Васю и Сергея, лейтенанта Соловьева, нашего начальника в М-ске – майора Огурцова, пару лиц совершенно мне не знакомых в форме НКГБ, в звании капитана и старлея, а до кучи – одного гражданского с фотоаппаратом и штативом к последнему.

– Здравствуйте, товарищи командиры! – приветствовала я всех. – Рядовая..

– Уже не рядовая, – перебил меня Огурцов – вот потому мы и собрались здесь.

– Товарищ майор, а...

– Скажите, товарищ Рогова, у вас какое образование?

– Я закончила ЕМХТИ, – э, нет, не проведёшь меня. Я «технологску» заканчивала как бы через свою Академию и потому её историю знаю от и до. В то время у неё было как раз такое название, вот.

– Ого! – удивлённо поднял брови один из маститых гёбшников, – тогда мы угадали со званием.

О чём это они?

– Слушайте приказ, товарищ Рогова, – это опять Огурцов. – «За самоотверженные действия, направленные на защиту гражданских лиц и воинского состава, движущихся в организованной колонне, выразившихся в отражении атаки вражеских самолётов, с последующим уничтожением их при помощи стрелкового оружия... кхм-гхм... наградить рядовую Рогову Анастасию Олеговну орденом Красной Звезды и присвоить ей внеочередное звание младший лейтенант. Одновременно премировать младшего лейтенанта Рогову, Анастасию Олеговну, в размере, оговоренном приказом по наркомату обороны СССР, соразмерно сумме положенной лётчику-истребителю». Поздравляю вас, товарищ младший лейтенант!

– Служу трудовому народу! – вытянулась я в струнку.

– Сейчас младший лейтенант Тапочкин выдаст через ведомость полагающиеся вам две тысячи рублей, чтобы, как говорится, закрыть вопрос окончательно.

– Две тысячи?!

– Согласно недавнего приказа Наркома Обороны СССР

так и есть. На что деньги хотите потратить? – Огурцов хитро сощурился на меня.

– На три дела: приобрету новую форму, так как моя от смазки пулемёта, после вчерашней стрельбы, пришла в некоторую негодность. Потом дочке куплю одежду, ну и обмыть награду и звание – это святое.

– Наш человек! – просиял Огурцов.

– «А тебе бы только найти повод что-нибудь отметить» – подумала я, глядя на сизую физиономию майора.

– Товарищ младший лейтенант! – обратился ко мне гёбшный старлей и представил гражданского. – Вот, товарищ Свиридов – наш фотокорреспондент областной газеты. Он задаст вам несколько вопросов, чтобы статья в газету была полной, потом сфотографирует вас вместе с дочкой и можете на сегодня быть свободной. Руководство предоставляет вам выходной.

– А как с документами об удочерении, товарищ Рогова? – поинтересовался Тапочкин, незаметно подмигнув мне.

– Я благодарю за напоминание и конечно воспользуюсь предоставленным мне выходным для решения этого вопроса, товарищ младший лейтенант.

– Товарищ Рогова, если хотите, то мы вам поможем, – предложил капитан госбезопасности.

– Буду премного благодарна.

Капитан подошёл к телефону и набрал номер. Коротко представившись, он сказал несколько фраз в трубку и поло-

жил её.

Пока я общалась с корреспондентом, моя дочь сидела в соседнем кабинете и что-то рисовала карандашом на нескольких листах бумаги. Васю же отправили за выпивкой и закуской.

– Как девочка? – поинтересовался старлей НКГБ после окончания моей беседы.

– Вы знаете, товарищ старший лейтенант, она очень самостоятельный и смыслённый ребёнок.

– Она дочь капитана Орловского, пограничника. Он одним из первых принял удар немцев 22 июня. Николая я лично знал, пересекались как-то, на нескольких мероприятиях. Береги её, товарищ Рогова.

– Так точно, товарищ старший лейтенант.

– Скажите, товарищ младший лейтенант, а какое отделение вы заканчивали в ЕМХТИ? – *опять этот капитан со своими вопросами. Блин! Ну не скажу же я ему об Академии в самом-то деле? А если сказать о втором филиале, который больше всего подходит по моей настоящей специальности – будет белый пушиной зверёк. Сразу и со всеми вытекающими последствиями. Ладно, пусть будет пятый.*

– Пятый филиал, товарищ капитан госбезопасности.

– Хм, понятно.

Если сейчас спросят, где работала – точно кирдык будет.

Но не спросили. Вася помог – принёс водку и закуску.

Как хорошо, что он не забыл про сливочное масло. Я сразу намазала смачный бутерброд, положила небольшой ломтик «любительской» и незаметно откусила кусок. Капитан всё-таки узрел и опять хмыкнул. Старлей удивлённо посмотрел на него.

– Могу констатировать, что младший лейтенант Рогова не пропускала занятия в институте и прекрасно знает, как нейтрализовать алкоголь в желудке.

– Мне ещё с дочкой по магазинам ходить, – попыталась я оправдаться.

– Правильно-правильно, – поддакнул Огурцов – дела в первую очередь, а уж потом излишества.

– Ты тоже не увлекайся, – нахмурился старший лейтенант.

– Не, Геннадий Андреевич, я чуть-чуть.

– Знаю, как ты любишь «чуть-чуть». Сейчас у нас прифронтовой район и ответственность на порядок выше.

Тут на пороге появилась дородная тётка с папкой и, приветливо поздоровавшись, зашла в кабинет. Вопросов ко мне было немного, а через полчаса в нашей маленькой семье Роговых стало две Анастасии. Одна – Олеговна, другая – Николаевна.

* * *

Н-ск. 22 августа 1941 года. Утро.

Сегодня невесёлая дата – два месяца как началась война.

Судя по сводкам Совинформбюро на фронте небольшое затишье. С утра пораньше удалось попасть в местную школу и выпросить букварь, а по пути обратно – прикупить десяток тетрадей для первоклашек, цветные карандаши, ластик и линейку. Настёна встретила эти подарки восторженно. Хотела часок с ней позаниматься, но за мной зашёл сам Василий и загадочным тоном сообщил, что меня и его самого вызывают в М-ск. Сильно вида не подала, только хмыкнула. Баба Маша обещала приглядеть за дочкой, заодно показать ей несколько букв. Чтобы я без неё делала!

У отдела нас уже ждал Журавлёв на своей «Эмке». Оказывается, начальство решили проверить подготовленность младшего командного состава, и организовало стрельбы, занятия по рукопашному бою и ещё что-то в той же тематике. Едем. Судя по постоянному перегляду Сергея с Василием, чувствую, что что-то затевается. Наконец не выдерживаю:

– Так, товарищи командиры, колитесь, что случилось?

– С чего вы взяли, Анастасия Олеговна?

– По лицам вашим вижу. Какие-то перегляды, шёпот.

– В общем, на стрельбах будут присутствовать инструкторы откуда-то сверху. Набирать кого-то куда-то.

– Для чего?

– А кто их знает. Это я случайно узнал, – Сергей чуть повернул голову ко мне назад.

– Посмотрим, какую информацию они до нас доведут. Не порите горячку раньше времени.

– Анастасия Олеговна! Есть хорошая новость, – это уже Тапочкин.

– Какая?

– Пока начальство обмывало ваше звание, я под шумок подмахнул у Огурцова распоряжение на дополнительные инженерно-технические мероприятия. Пока мы будем в М-ске, там три бригады постараются закончить строительство блиндажей. А техническим специалистом будет... – младлей сделал паузу.

– Ну?

– Наш столяр, Иван Антонович. Старик вчера весь приободрился от оказанного ему доверия. Обещал всё осмотреть, где нужно поправить. После обеда ждёт машину с МТС, там приедут люди и...

– Ты решил пойти ва-банк?

– Чего? Это что за слово такое?

– Это означает как в карточной игре: всё или ничего. Не сильно рискуешь, Василий?

– Нет, Анастасия Олеговна. Просто сводки показывают, что скоро весь персонал предприятий будет эвакуироваться. Нас, кстати, тоже собираются.

– Не паникуй, Тапочкин. Прорвёмся.

* * *

Окрестности М-ска. 22 августа 1941 года. Двумя ча-

сами позднее.

Поехали мы не в Управление, а сразу на какую-то базу за городом. Журавлёв тут однажды бывал, поэтому доехали без приключений. Небольшое количество казарм расположилось рядом с берёзовой рощей. Вышли из машины. Парни сразу пошли к курилке.

– Сергей! А что, ты тоже будешь участвовать? – интересуюсь вдогонку.

– Конечно! Здесь сводные занятия, как НКВД, так и НКГБ. Отбирать будут с обоих наркоматов.

– Ладно, как говорят в Одессе, будем посмотреть.

Через несколько минут к нам подошла группа из нескольких сотрудников, затем ещё прибыло с полсотни человек на машинах. Скоро весь младший командный состав, собранный из обоих наркоматов и в звании от младших лейтенантов до капитанов, двинулся к одной из казарм. Прошли внутрь и уселись на лавки. Кстати, кроме меня женщин присутствовало ещё две: лейтенант НКВД и младший лейтенант НКГБ. Вижу, что в числе руководящих сотрудников тот самый капитан НКГБ, который присутствовал на попойке... эм... присвоении мне звания. Он поднял руку, и наступила тишина.

– Здравствуйте товарищи! Мы собрались здесь на ответственное мероприятие. Сначала мы проверим вашу боевую и физическую подготовку, а те, кто пройдёт отбор, будут ознакомлены с некоторой дополнительной информацией.

Вот так вот. Кто пройдёт отсев, попадут в диверсионные отряды. Это ты им заливай об информации, а мне всё сразу стало ясно. Чёрт! Вот как мне прикажете стрелять, а? В «молоко» – скажут, что неумеха младлей, засобачить им с двух рук – ещё повяжут чего доброго...

Через двадцать минут прошла жеребьевка пятёрок для стрельбы. Со мной, в первой группе, оказался пожилой капитан НКВД, я его еще раньше в нашем Управлении видела, потом пара младлеев НКГБ и девушка-лейтенант НКВД. Дали по комплекту патронов к нашим наганам и отвели на позицию. Стандартная дальность, двадцать пять метров.

Ну, начнем, пожалуйста. Мне один раз приходилось стрелять из нагана, так что больших проблем не будет. О, команда «Огонь!» прозвучала.

От многочисленных «Тках!» я с непривычки замешкалась, но потом наверстала. Доложились об окончании стрельбы, и пошли смотреть мишени. Опа! Даже как-то неудобно стало: капитан попал пять в центр, но не кучно и две в створ мишени, энкагэбэшники-мужики примерно также, девушка – только в створ мишени, а я...

Мама! Роди меня обратно!

– Младший лейтенант Рогова – 65 очков. Вот это я понимаю! – удивлённо восклицает инструктор. – Вы, товарищ Рогова, капитан Усков и младший лейтенант Камов, втроем переходите в следующий этап. Пока остальные группы будут сдавать этот норматив, не стойте здесь, а идёте во-о-от на ту

позицию.

А что у нас там, на следующем этапе? Ага! Стрельба из винтовки лёжа! Опять форму стирать вечером. Эх... ну ладно, надо так надо.

Расположились, залегли. Я думала, что будут «мосинки»,¹⁴ а раздобрились на «светки»,¹⁵ правда дали по пять патронов на человека. Даже какой-то азарт появился. Опять команда открыть огонь. Но «Бах!» это вам уже не «Тках!» – уши с непривычки немного заложило.

– Младший лейтенант Камов – 38 очков, капитан Усков – 40 очков, младший лейтенант Рогова – 49 очков, – молодой лейтенант госбезопасности сделал паузу и обратился ко мне – вам, товарищ младший лейтенант теперь надлежит пройти во-о-от к той позиции.

Плетусь туда, а в ушах ещё звон от выстрелов. Подхожу. Стоит опять тот самый капитан НКГБ.

– Оказывается, вы у нас самый результативный стрелок. В НКВД совсем ничего, а стреляете как очень опытный сотрудник.

– Так получилось, товарищ капитан. Глазомер, наверное, хороший.

Угу, товарищ полковник ГРУ.

– А с двух пробовали?

– Простите?

¹⁴ Винтовка Мосина.

¹⁵ Жаргонное название винтовки Токарева – СВТ.

– Ну, с двух рук стрелять пробовали?

– Нет, товарищ капитан, не приходилось, – *ага-ага, заливай, Настя, заливай. Ты дома этот норматив ой, как любила! Какой эффект, какие потрясные ощущения! Главное – не оказать руку, а то будет тебе переходящий кубок в казематах НКГБ.*

Подаёт мне ещё один наган, а на столе лежат два ТТ. Перехватил мой взгляд и мигом вопрос:

– Может, желаете взять пару ТТ? – *ну уж нет, в «технологжке» могли давать наган, а вот «Токарева» уже дудки.*

– Нет, товарищ капитан. Не умею я с него стрелять.

– Тогда становитесь вот сюда и готовьтесь к стрельбе, – теперь мишень уже рельефная, напоминающая очертания человека.

– Младший лейтенант Рогова к стрельбе готова!

– Огонь! – и тут меня клинит. Самым натуральным образом. Вот говорили, что привычка – вторая натура, так это про меня. Стреляю на автомате, подсознательно, и с ужасом смотрю на мишень. С левого пистолета кружок из шести точек на лбу, с правого – у сердца. Капитан аж фуражку на затылок сдвинул и удивлённо повернулся ко мне.

– Это где же вы так научились стрелять, товарищ младший лейтенант? Даже я на такое не способен, а ведь был добровольцем в Испании и боевой опыт у меня о-го-го!

– Тарщ капитан, любила я пострелять в институте. Нравится мне наган... – *ага, Настя, заливай больше. Тебе*

не наган нравится, а «Глок». Вот эта машинка тебе точно нравится. Никто даже и не спорит, товарищ чемпион по стрельбе своего учебного курса Академии.

– Ясно. Значит, жениха не хотите приплетать к делу, так? – *всё. Соловьёв сдал меня с потрохами. Про Васю я даже и не думаю, а вот лейтенант-карьерист, ради продвижения себя любимого наверх, наверняка и снабдил товарищей из госбезопасности такой информацией по моему личному прошлому.*

Опускаю глаза, словно нашкодившая ученица школы.

– Ладно, я понял, что прав. Скажите, только честно, как у вас обстоит дело с рукопашным боем?

– Не знаю, как сказать. Кое-что Федя мне показывал...

– Давайте пройдем внутрь вот той казармы и выясним это дело на практике.

– А как же с формой одежды, она...

– Не волнуйтесь, там есть, где переодеться и во что.

Пока идём, чувствую на себе его взгляд.

– Скажите, товарищ младший лейтенант, а у вас нет желания перейти к нам в НКГБ?

– Для чего?

– Если всё сейчас будет, как я думаю, то этот вопрос будет решён уже без вашего желания. Поэтому я интересуюсь, нет ли у вас лично желания работать в госбезопасности, так сказать, по велению сердца? – *э-эх, капитан, знал бы ты, кто я есть на самом деле!*

– Вообще-то есть, но мне как-то неудобно перед товарищами из НКВД...

– Неудобно, извините, трусы через голову надевать. Значит, такое желание имеется. Ну, хорошо. Посмотрим, чего вы стоите в рукопашном бою, а там уж будем принимать решение.

Приходим в казарму, и капитан ведёт меня к раздевалке. Есть даже помещение отдельно для женщин. На скамейке лежат три набора спортивных костюмов. Видимо наперёд озаботились об участницах экзамена. Переодеваюсь и осознаю свой видок.

М-да, видели бы меня папа и дядя Лёша. Вот смеху было бы.

Вежливый стук в дверь, выхожу.

– Готовы? – *а капитан, оказывается, тоже бабник, ишь, как фигуру мою оглядывает.*

– Так точно, тарщ капитан.

– Тогда по коридору последняя дверь налево, – прохожу и попадаю в небольшой зал, центр которого застелен гимнастическими матами. Стоит молодой человек, лет так двадцати пяти от роду. Увидев меня, манит рукой.

– Здравствуйте, я – старший лейтенант Колыванов, инструктор по рукопашному бою. Теперь вы представьтесь, пожалуйста.

– Младший лейтенант Рогова.

– Что умеете?

– Так, всего понемногу.

Только не вздумай, Настя, поступить также, как при стрельбе из двух рук! Контролируй себя!

– Сейчас посмотрим, нападайте, – делаю кривое движение вперёд, и тут же следует захват.

Да какой к чёрту контроль! Ах, ты ж, боже мой! И тут полапать охотники имеются! Ну, я тебе сейчас! Он поворачивает меня спиной к себе и... опа! Переводит в «мёртвый» захват. Думаешь, что всё?

– Поднимите руку, товарищ лейтенант, если вы сдаётесь, – ага, щаз-з-з, только шнурки поглажу. На, тебе, старлей, тычок в шею, чтобы не зазнавался, – резкий взмах рукой и Колыванов падает мешком на маты, а я отскакиваю в сторону и принимаю какую-то несуразную стойку.

– Стоп бой! – это уже капитан, в очередной раз выпучил глаза. Подхожу к старлею, он лежит и тихо говорит капитану:

– Первый раз такое... говорить могу... а пошевелить конечностями никак.

– Товарищ Рогова, что вы с ним сделали?

– Ничего, нехрен руки распускать. Я могу отличить, когда преподаватель занимается и случайно касается обучаемого, а когда... в общем, вы поняли. Сейчас всё пройдёт, – нажимаю на другую точку и старлей достаточно быстро «оживает».

Капитан внимательно смотрит на меня и тут же скидывает на лавку китель, часы и фуражку.

– А ну, со мной! Полный контакт! – и тут же рядом со щекой пролетает нога в сапоге.

Ага, щаз, так я тебе и дам засадить сапогом мне в челюсть. О! А старлей сзади пристроился? Оклемаля, парниша? Решили в «коробочку» зажать? Не выйдет!

Удар в пах капитану, с предварительным ложным замахом правой ноги, потом падаю вниз, пропускаю выпад Колыванова и тут же несильный удар в ответ, под коленную чашечку. Всё. Оба на полу секунд за десять. Встаю, отряхиваюсь и демонстративно перевожу дух. Старлей ещё лежит, а капитан с трудом, но встал.

– Где вы так научились?

– Научили, чтобы к девушкам хулиганы не приставали.

– Не завидую я тем хулиганам, которые попробуют на вас напасть, товарищ младший лейтенант, – старлей хромаяковыляет до лавки.

Угу. Банда Хромого уже опробовала на себе мои навыки.

– Товарищ капитан, зачёт у неё принят, оценка «отлично».

– Кто бы сомневался. Всё, товарищ Рогова, можете идти переодеваться. Стрельба «отлично», рукопашный бой тоже «отлично». После того как приведёте себя в порядок, прошу подождать меня на улице.

– Слушаюсь, – выхожу из помещения и задерживаюсь около двери.

– Ну как она, Стёпа? – капитан интересуется у Колыванова.

ва.

– Коля! Я первый раз с такой техникой сталкиваюсь. А ты видел, как она двигается?

– Честно говоря, не обратил на это пристального внимания.

– Хм, как пантера или кошка. Мягко, её шаг практически не слышен, движения выверенные, ничего лишнего. Не каждый разведчик на такое способен.

– Ну, ещё бы, школа Асташёва.

– Федькина?! Откуда?!

– По моим агентурным данным он её жених.

– Чего?! Мой командир собрался жениться?! Я бы знал об этом! Коля, ты чего говоришь-то?! Или мы с тобой не друзья Фёдора?

– Тем не менее, кое-какие косвенные признаки указывают на это. Если бы она была вражеским агентом, вряд ли бы стала указывать известного в кругах разведчиков человека.

– Ладно, на днях сам спрошу у него. Ты это... проэкзаменуй её на предмет знания иностранных языков, вдруг всё-таки шпион.

– А вот это мысль!

А я даю дёру в раздевалку.

Та-а-ак. Похоже белый пушиной зверёк точно подкрался ко мне, причём незаметно. Теперь я познакомилась с человеком из группы моего надуманного жениха. Чёрт! И ведь ноги уже не сделаешь! Слишком заметной фигурой я стала. Да-

же в газете отметилась.

Переодеваюсь, точнее уже переоделась, но вытираю тряпкой сапоги. Стук в дверь.

– Да, входите, – вваливается капитан.

– М-да, товарищ Рогова, я удивлён, если не сказать больше.

Кроме «товарища Роговой» остальная фраза была произнесена на немецком.

*А вот хрен тебе, а не шпрехен зи дойч*¹⁶.

Хотя у меня баварский акцент, но здесь я только таращусь на капитана.

– Вы не поняли, что я сказал?

– Только понимаю, что на немецком.

– Значит, иностранными языками не владеете?

– Чуть-чуть понимаю и переводила со словарём. Это ещё в институте.

– Ну что ж, Анастасия Олеговна, рад, что вы сдали все нормативы и теперь вам предстоит выслушать кое-какую дополнительную информацию.

– А как же остальные товарищи? Они же сейчас сдают...

– Я уже интересовался. Абсолютного результата нет ни у кого, девушки отсеялись все, так что нам здесь никто не помешает. Начнём с того, что вас мы планируем ввести в штат одного из партизанско-диверсионных отрядов.

Всё, Настя, приехала... Семёновский лес накрылся мед-

¹⁶ Говорите по-немецки (нем.)

ным тазом, как и вся выбранная тобой группа.

– Куда меня забросят?

– Никуда. В М-ской области и будете находиться. Один из лесных массивов как раз отвечает всем необходимым критериям. За неделю вас обучат премудростям диверсионной работы, дадут комиссара, именно поэтому вас переводят из НКВД в госбезопасность.

– Извините, не поняла.

– Объясняю. Если бы вы остались в НКВД, то речь шла бы о должности комиссара, а через наркомат госбезопасности вы становитесь, либо начальником отряда, либо руководителем контрразведки.

– Я что, буду начальником контрразведки или руководителем отряда?!

– Нет, не пугайтесь, на такую должность вас никто не поставит. Уровень не тот, – *да что ты говоришь, родной, гы, знал бы ты мой уровень, ещё раз «гы».*

– Так какая у меня будет должность?

– Руководитель диверсионной группы.

– Ясно, товарищ капитан.

– Сейчас мы пройдем в кабинет начальника этого Центра, вы напишите заявление о переводе в НКГБ и завтра уже придете на занятия. На мотоцикле умеете ездить?

– Пару раз пробовала.

– Вот сейчас и посмотрим.

Мы вышли на улицу и направились к штабу Центра. По-

что дошли, когда капитан указал на стоявший у дерева мотоцикл.

– Это мой, персональный. Попробуйте проехаться на нём. Вот ключ.

Так, и куда его совать тут? А, вот! Кик-стартера нет, значит, с привода заводится, вставляю ключ, поворачиваю его и запускаю двигун. Стоп, а где газ?! Ручка не вращается, тогда как? А это что за «собачка»? Ура! Нашла, хоть и неудобно, но привыкнем. Теперь аккуратно выжимаю сцепление, двигаю левой ручкой, йе-э-эс!

Затем потихоньку отпускаю сцепление и... др-р-р. Толчок и мотик встал. Резковато начала отпускать сцепление.

Капитан с ухмылкой смотрит.

Ну, смотри, ща поедем, назло тебе!

Повторяю всю нехитрую череду движений. *И – бац!*

Поехала! Чуть прибавляем скорость и переключаемся на вторую.

Харе! Дальше газовать не будем!

По наезженной дороге делаю большой круг вокруг казарм и вот уже вместе с капитаном меня встречают Журавлёв и Тапочкин. У последних на физиономиях нарисовано большое удивление. Подъезжаю, глушу мотор.

Фу-у-ух, ничего так покаталась.

– Товарищ Рогова, вы меня не перестаёте удивлять, – капитан отбросил папироску в урну и подошёл ко мне вплотную. – Сразу освоить мотоцикл, хм, это тоже жених показы-

вал?

– Нет, это в институте ребята из группы научили. Я уже говорила, что пару раз ездила. Что-то забыла, потом вспомнила.

– Сейчас сделаем заявку, и завтра получите такую же технику, когда приедете сюда на курсы.

– А как я сюда доберусь?

– Лейтенант Журавлёв вас доставит. Поможешь, своей коллеге?

– Виноват, тарщ капитан, она же в НКВД?

– Уже в НКГБ, – *мне только Васю жалко: стоит, бедный, с глазами побитой собаки.*

– Пойдёмте, товарищ Рогова, в штаб Центра.

Вся организационная процедура заняла около четверти часа. Уже около входной двери капитан вдруг остановился, и внимательно посмотрев мне в глаза, сказал:

– Я приложу к заявлению ваши экзаменационные итоги и напишу представление на вас, с описанием некоторых психологических фактов. Послезавтра будем ждать ответ руководства.

– А может до этого повременить с обучением? – делаю невинные глазёнки.

– Это уже ничего не изменит. Кроме меня вас инспектировал ещё один человек. Его мнение совпало с моим – вы нам подходите по всем параметрам.

– А как же моя дочь? Я же без неё никуда!

- Возьмёте на себя ответственность?
- В смысле?
- Взять её в отряд.
- Возьму. Она просто «сгорит» вдали от меня.
- Вот и решение вашего вопроса.

Глава 6

Н-ск. 22 августа 1941 года. Вечер.

Пока ехали, бурно обсуждали наше нынешнее положение. Решили, что в самый последний момент посмотрим на распределение и уже от него будем отталкиваться. Возможно Васе с Сергеем получится при отступлении наших войск попасть ко мне в отряд. И блиндажи могут пригодиться.

Вечернее чаепитие с дочерью и бабой Машей прошло в обсуждении будущего изменения нашего местоположения. Мария Ивановна, ни с того, ни с сего попросила меня взять её с собой. Типа здесь она остаётся совсем одна и к нам уже привыкла, а я вон какой птицей стала. Жалко мне её, обещала подумать, но это скорее «для вида».

* * *

Московская область. 23 августа 1941 года. Один из закрытых объектов НКГБ. Из воспоминаний Фёдора Асташиёва.

Я шёл по коридору Центра подготовки диверсионных групп, когда один из сослуживцев догнав меня, информировал, что прилетел самолёт с моим заместителем и анкетами новых членов диверсионных групп. Решил встретить

сам. Пока выбирался из помещения, навстречу нарисовался Стёпка Колыванов – мой заместитель и правая рука в группе инструкторов. Вот живчик, уже успел добратся.

– Ну, здорово, чертяка! Как съездил? Вижу по морде, что там есть что-то интересное!

– Товарищ капитан...

– Чего?! А в челюсть не хочешь? Или мы не друзья?!

– Вот то-то и оно, тарщ капитан. Иначе, как можно называть скрытый от друга факт твоей предстоящей женитьбы, а, Фёдор?

– Ты на солнце перегрелся?! Какая женитьба? Да и на ком? Я ж уже говорил – нет пока такой девушки, которая мне в душу бы запала.

– Пойдём, друг мой ситный, в кабинет. В свете одних интересных событий нам есть о чём поговорить.

– Даже так? Ну, давай.

Минут через пять мы были уже на месте. Привычно бросив сумку под стол, Степан сел напротив меня и начал откуда-то издалека:

– Ты же знаешь, я был в М-ске. Так вот там несколько человек отобрали.

– Хоть стóящие или так себе?

– Половина на половину, но... – Колыванов плотоядно ухмыльнулся.

– Не тяни кота за...

– На, читай, – он развернул передо мной газету, где сооб-

шалось, что младший лейтенант Рогова Анастасия Олеговна, будучи ещё рядовой и находясь на посту регулировщица, сбила из ДШК пару вражеских «мессеров», а потом ещё и девочку удочерила.

– Ну, молодец, вижу, что её наградили и даже дали младлея... хм, шикарный подарок.

– Федя, ты её не узнаёшь?

– Не видел ни разу.

– Да? А вот она утверждает, что является твоей невестой.

– Головокружение от успехов, как говаривал товарищ Сталин.

– Всё было бы ничего, Фёдор, но у этой девушки бесподобная стрельба, причём с обеих рук она вообще выбивает «морду» и «сердце», да ещё такая техника рукопашного боя. Если бы я тебя не знал, то поверил бы в то, что ты её жених.

– Это почему же?

– Федя! У неё часть твоих приёмов рукопашного боя, понимаешь? Причём те, о которых знают лишь ты, я и Коля Выхов. А ведь мы их пока никому не показывали. Они в стадии обкатки. И вполне логично предположить, что и невесте ты их показал, чтобы озаботиться её безопасностью от хулиганов.

– Бред!

– Тогда я скажу, что сам её тестировал и кроме того меня навела на эту мысль её походка.

– Я вот Светке твоей скажу, на что ты в командировках

обращаешь внимание – мигом половником по морде получишь!

– Дурак ты, Федя, и шутки у тебя дурацкие! А ещё друг называется!

– Ну, извини, так что у неё с походкой?

– Тарщ капитан, она двигается так же как ты или я, если не лучше.

– Чего?!

– Вот и того, Федя. Ничего лишнего в движениях, полностью выверенные шаги и почти неслышные. Федя, это профессионал в женском обличье! Уж не знаю, откуда она вынырнула до войны в маленьком городке Н-ске М-ской области, но даже Выхов поверил в эту легенду.

– Дядя Стёпа, ты – дурак или вас с Выховым, на пару, надо гнать из госбезопасности? Это просто подстава от Абвера¹⁷ или англичан, а вы мне тут стрелки перебрасываете насчёт невесты.

– Ты меня слышишь или нет? Откуда у неё твоя система приёмов? Или кто-то из нас троих работает на Абвер?

– Действительно, странно...

– Ладно. Подойдём к этому вопросу с другой стороны – скажи мне, командир, она в твоём вкусе или нет? Только по-честному.

– Отстань!

– Ага! Значит, ещё не всё потеряно! Не была бы – сразу

¹⁷ Немецкая военная разведка и контрразведка.

сказал бы «нет» и выходит, что мы с Колей правы – ты где-то с ней познакомился втихаря, а теперь боишься в этом признаться! Вот жук!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.